

18+

Жизнь и приключения Руслана Шкурдяева

Николай Семёнов-Мерьский

Николай Семёнов-Мерьский

**Жизнь и приключения
Руслана Шкурдяева**

«Издательские решения»

Семёнов-Мерьский Н.

Жизнь и приключения Руслана Шкурдяева / Н. Семёнов-Мерьский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516867-2

Приключенческая повесть из цикла «Очерки русского характера» рассказывает, как «выходил» в люди, богател и разорился простой паренёк из глухого заволжского посёлка. Куда бросала его «судьба», как благодаря упорству и своей находчивости он повторно выкарабкался «в люди». События разворачиваются в СССР-Российской Федерации в период перестройки.

ISBN 978-5-00-516867-2

© Семёнов-Мерьский Н.

© Издательские решения

Содержание

Рассказ 1. Пробуждение	6
Рассказ 2. Приезд в Москву. Трудоустройство	10
Рассказ 3. Начало трудовой деятельности в Москве	13
Рассказ 4. Предложение «руки и сердца». Времяпрепровождения	17
Рассказ 5. Социализм с человеческим лицом. Кооперативное движение	23
Рассказ 6. Приватизация. Ликвидация «СССР»	29
Рассказ 7. Реальности капитализма. Банкротство, Побег, жизнь в Греции	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Жизнь и приключения Руслана Шкурдяева

Николай Семёнов-Мерьский

Жизнь и приключения Руслана Шкурдяева

© Николай Семёнов-Мерьский, 2020

ISBN 978-5-0051-6867-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказ 1. Пробуждение

Очнулся я, как после глубокого сна, сколько приходил в себя, чтобы понять, «кто я, где я,» не понял. Заставил себя вспоминать по порядку, с чего всё началось. Я, Руслан, Шкурдяев, лежу здесь в бурьяне, пахнет полынью и человеческими экскрементами, мочой и говном. Пощупал руками вокруг, говна подо мной нет, значит это не моё, а кто-то, где-то рядом наложил, штаны мои сухие, ширинка не застёгнута, значит я успел слить «на природу», а не в штаны. Упал, значит, я в «народном» гальюне. Надо мной светит звёздное ночное небо, с первыми проблесками восхода. Вижу ковшик «Малой Медведицы», ручкой прикрепленный к Полярной звезде, Маленькую Медведицу сторожит «Дракон». Преподаватель в училище нам рассказывал, что свет от звёзд приходит на Землю через много миллионов световых лет, значит на небе мы видим звёзды, которых сегодня уже давно и нет. Уже показалась Венера, подсвеченная солнечными лучами из-под горизонта. Это указывало на 3—4 часа утра. Я вспомнил кто я, я же моряк, судоводитель-судомеханик, мы отмечали пятилетие окончания мореходки, встреча «боевых» друзей, получился перебор по «веселящей» жидкости. Помню, начинали с коньяка, угощали друг друга у буфета, под возгласы, «а как ты, где сейчас», и тому подобные. Потом перешли на водку и пивом запивали. Дальше, пригласили нас в актовый зал, где до мореходки, при царском режиме была конюшня, на торжественное собрание и на концерт. Что произносили на торжественном собрании, я уже не понимал, а когда начался концерт, меня потянуло блевать, пришлось убежать из зала на улицу. Пока пробирался между креслами из зала к выходу, кто-то заботливый сунул мне в руку пакет, куда и проскочила первая порция моей блевотины, уже за дверью зала. Выскочил я на улицу, забежал куда-то в первый попавшийся двор, облегчиться, дальше ничего не помню. Очухался я, во рту «как кошки насрали», в башке сплошной треск. До дома, где Зинка, жена моя живёт, далеко, километра три, не осилю, поздняя осень, утро тёплое, холода ещё нет. Лежу вспоминаю, как всё начиналось, ведь слово себе давал, «ни-ни, не капли», Зинке клятву давал. Воспоминания пошли дальше, как я попал в эту «мореходку», а фактически техникум речного флота. Ближайшее к Куйбышеву-Самаре море, было «Каспийское».

К Зинке возвращаться не хотелось, семья не получалась. Была Зина разбитная, общительная, весёлая девчонка, в то время, когда я с ней близко подружился. Родители у неё редко дома бывали, квартира была всегда свободна и готова к приёму друзей. Решили мы с ней пожениться, верней она решила, и мы поженились. Свадьбу сыграли зимой, когда её родители приехали в отпуск, со своего лайнера. Отец Зинин, тесть мой, которого я стал называть папа Федя, ходил старпомом, на круизном лайнере, а мама её, Настя, теща моя, буфетчицей там же была. Ходили они вместе, тесть был под контролем у супруги на борту, в плавании, держал «сухой закон, зато на берегу «срывался с катушек». Мама Настя позволяла ему расслабиться не более месяца, потом брала его, папу Фёду в «ежовы рукавицы» и до отбытия на лайнер, папа Фёдор был смирен и законопослушен.

Очень была своеобразна метода его «срыва с катушек». Тесть приносил с собой домой, ровно 30 бутылок водки, ставил их у дивана, и ложился сам рядом, на этот диван, чтобы свободно, лёжа на диване доставать из коробки очередной «пузырёк». Действительно, в его лапище, поллитровка выглядела как пузырьёк из аптеки. Да и сам из себя, он был мужчина видный, крупный, как говорится богатырь, с крупными, рубленными чертами лица, очень доброго на вид, но матросы на лайнере от него «постанывали». Пил пузырьёк исключительно из горла, закусывал только водой и солёными огурцами, хлебом чёрным. Говорил мне, что на лайнере ему икра и салаты всякие осточертели и тянуло на простое, русское. После пузырька, отец Фёдор, возбуждался и начинал рассказывать, как он служил «под знамёнами герцога Кумберлендского». Тесть очень любил читать исторические романы, особенно Валь-

тера Скотта, и бредил их содержанием во время «расслабона». После пузырька, когда начинались лозунги «про герцога Кумберлендского», к действиям приступала мама Настя. Моя теща, рядом с Федей смотрелась «девочкой-дюймовочкой», но она очень решительно рулила этим богатырём. Заставляла его идти в ванну и мыться, чтобы не вонял, как она говорила. Пока он, папа заполнял собой ванну и поливал себя из душа, мама Настя меняла ему простыни на диване, и бросала чистые трусы, больше похожие на чехол для двигателя. После того, как папа возвращался на диван и доканчивал свою дневную норму, «пузырёк», к нему подступалась мама и требовала денег, поскольку, деньги кончились, надо продукты покупать, девочке, жене моей, платье, в котором она ходит, никуда не годится, тоже пора заменить. Отец молча лез к своей заначке, «отслюнявливал» требуемую сумму и мама Настя удалялась. Так, в течение месяца, заначка папы Феде перекочёвывала к маме Насе и процесс «расслабления» заканчивался. Оставшееся от зимы время, папа Федя, раз месяц ходил на рыбалку, возвращался всегда с рыбалки в приподнятом настроении, даже если был без улова. Всегда принимал на рыбалке, для «сугрева», чуть-чуть, «каплицу», то есть, в его понятии это «пузырёк». Самым раздражающим моментом для мамы Насти, было папино курение. Папа Федя курил какой-то особый табак, который ему доставали по блату, мама Настя называла его, этот табак, вонючий, а я его про себя называл «кизяком», поскольку сам я не курил, душа не принимала. Папе Феде приходилось курить свой табак на лестничной площадке, где он держал все принадлежности для этого, включая кресло.

Преставился папа Федя, на этом же диване, после окончания ежегодного «расслабляющего» месячника. Шёл процесс «просушки» папиного организма, самый тяжёлый первый день, после полного опорожнения всех «пузырьков», и просил он очень похмелиться, но тёща и Зинка стояли «стеной», «нет и всё», особенно ругалась Зинка. В результате «всё» и закончилось, я в это время был на работе. Вскрытие показало, отрыв тромба в кровеносном сосуде, прекращение кровообращения. Царство небесное и вечный покой, папе Феде, хороший, добрейшей души был человек. Он, тесть мой, меня и пристроил в эту «плавконтору», в которой я сейчас служу. «Контора» не простая, принадлежит Министерству обороны, снабжает персонал пунктов слежения за оперативной обстановкой на «Севморпути» всем необходимым для жизни и работы на время зимовки. Рейс по снабжению всегда проходил по знакомым, освоенным местам, всё было изучено и знакомо за первые годы походов, сюрпризы преподносила только погода и особенно льды, приходилось и ледокол вызывать на прочистку фарватера к очередной базе, к пункту разгрузки, сдать что надо, а что сломалось загрузить в трюм и при возвращении сдать. Кроме того, работа в этой «плавконторе» пошла в зачёт воинской службы, что тоже хорошая льгота была.

Зина моя, с годами испортилась, стала сварлива, ругалась на меня постоянно, «сделал не так, ничего не делаешь, денег нет, а дочка уже взрослая». Вскоре после нашей свадьбы, у нас родилась дочка, Ксения, подозрительно быстро, на что намекала мне моя мама Мария, которая иногда приезжала к нам погостить, в Куйбышев, который стал потом Самарой, вместе с моей сестрой Леной. Мама, со дня свадьбы моей, с Зиной и Зининой мамой не сошлись, особенно мама моя испытывала антипатию к Зине, хотя Зина всячески старалась ей, моей маме, угодить. Мама мне потом призналась, находясь в «расслабленном» состоянии, что Зина, рыжим цветом своих волос напомнила ей ту, не хорошую, рыжую тварь, стерву, к которой от нас ушёл мой папа, когда мне было пять лет. Зина тоже приворожила меня своей копной буйно выющихся рыжих волос. Кроме того, она очень хорошо исполняла на гитаре песни разных «самодельных» бардов, особенно их всеобщий гимн со словами, как хорошо, что все мы здесь, сегодня собрались, а друг Витёк, всегда добавлял, «и надрались», что была истинная правда. Мне, Зина призналась, после первой близости, что её пленили моя мужицкая, мускулистая фигура, с отсутствием жировых отложений и искреннее выражение лица, которое говорило ей, да, на меня

можно положиться, со мной, как за каменной стеной. Я этого не ожидал, после смотрелся в зеркало и кроме нахальной, конопатой рожи ничего не увидел.

Зина, со временем, по фигуре стала догонять папу Фёдора, а по ругательству превзошла маму Настю, тёщу мою. Когда мы с Зиной ругались, теща всегда принимала мою сторону, и постоянно внушала дочке, терпи. Моя мама, вместе с Леной, приезжала в гости из нашего посёлка лесорубов и лесосплавной конторы, расположенного в глухом месте Заволжья. В речной техникум поступать, она меня привезла в Куйбышев лично, ей очень хотелось, чтобы я «вышел в люди». Она очень подружилась с тестем, отцом Фёдором. Они оба, как два бывших фронтовика, очень уважали «наркомовские 100 грамм» и на этой основе сошлись характерами и уважали друг друга. Он её после первого тоста и общения, стал величать Маней, а она его Федей. Папа Фёдор, после знакомства с моей мамой Марией, стал воспринимать приезды моей матери к нам в гости, как праздничное мероприятие. Мама моя прослужила в миномётном артдивизионе, поварихой и санинструктором, три военных года, на фронтах, а тесть воевал на Севере, в Мурманском крае, в роте связи оборонительного района, ходил в морской форме, считал себя «военмором». Во время зимних перерывов между рейсами, они, Зина и тёща, меня устраивали работать в одной из районных отопительных котельных города, кочегаром, правда жгли мы в котельной мазут, так что работа была «не пыльная». Я даже успел за эти годы, по настоянию жены, поступить в «Политех» на вечернее и поднять своё образование до высшего, по специальности «Тепловые энергоустановки», моя мама меня также к этому уговаривала. Зина тоже училась в университете на финансовом, так как заканчивала речной техникум, на бухгалтера-счетовода. На предприятиях, куда она поступала работать, долго не задерживалась, тамошний народ оказывался не хороший. А познакомился я с Зиной и подружился на одном из очередных слётов клуба исполнителей «самодельных» песен, которые часто проходили в нашем городе, так как много было в городе техникумов и институтов, соответственно и много студентов-туристов, альпинистов и гитаристов. Во время ихних турпоходов, у них всегда происходили какие-нибудь чрезвычайные происшествия, которые спланивали участников группы похода, потом это выливалось в песенные баллады, которые исполнялись на их сборах-слётах, фестивалях, в которых парни и девушки, сообщали всем присутствующим, в песенной форме, как им было тяжело и опасно в походе, но они от этого становились только счастливее.

Подружились мы с Зиной на одном из таких слётов, случайно, вечером, у костра, мы компанией, предавались воспоминаниям, и немножко выпивали, чтобы защититься от комаров и слепней. У Зиной, подруга не смогла приехать на слёт, поэтому Зинина палатка оказалась абсолютно свободной. Тут мы и подружились. Потом начались встречи на Зининой квартире, и пошло-поехало, любовь настигла, так и до свадьбы дело дошло. Теперь вот я лежу и думаю, надо менять ситуацию, срочно, пока меня совсем не «загрызли» тёща, жена, как папу Федю, да и дочка Ксюша, уже начала им «подпевать», учит меня жизни. Да и пьянки стали тоже надо-ежать, часто стали проходить слёты, торжества, праздники семейные и государственные, причин взяться за стакан было, несть числа. Надо рвать этот замкнутый круг, который постоянно расширялся, и не отпускал из себя. Я к этому морально уже был готов, стал задумываться об этом и готовился.

Нашупал во внутреннем кармане рубахи подготовленную «заначку» денег и решил, «пора». До отправления утреннего рейса на Москву, оставалась пара часов, по моим расчётам. Поднялся я из бурьяна, отряхнулся, застегнулся и уже с ясной головой и твёрдым решением, вышел к ближайшей стоянке такси. «На московский вокзал», сказал я садясь в такси. Через 30 минут, я уже вылезал из такси на вокзальной площади, у памятника комдиву Чапаеву. Прощай Василий Иванович, сказал я ему, не поминай меня лихом, мне показалось, а может на самом деле, он мне одобрительно подмигнул. Я дошёл до кассы и успел купить билет в мягкий вагон, свободных купейных мест не было, а «нюхать носки» соседей в плацкартном вагоне

мне не хотелось. «Вперёд на Москву!», требовала этого генеральная линия моей судьбы, блуждать по её закоулкам и тупикам в поисках ответа, «зачем?», желания не было.

Рассказ 2. Приезд в Москву. Трудоустройство

Занял я диван в своём купе и тут же уснул. Проводница будить меня не стала, проснулся я сам, время было после обеда, зверски хотелось есть. Сходил в туалет, помылся, пополоскал зубы как следует, чтобы перегаром не несло и пошёл покушать в вагон-ресторан, был он рядом с моим вагоном, далеко шагать не пришлось. Заказал борща пожирней и с чесночными пампушками, плов по-фергански, чайник чая черного и 150 грамм коньячка, какой был, попросил принести сразу, похмелился. Плотно пообедал и сидел за столиком, не торопясь пил чай и глядел в окно на пробегающие мимо станции. По радио объявили, что поезд прибывает на станцию Рязань, главная. До Москвы оставалось пути часа на три. Стал я собираться мыслями, к кому путь держать, что делать.

Ходили мы на «спецрейсах» с Витьком, он заканчивал московский речной техникум, были мы одноклассники и стояли вахты в одни часы, сошлись характерами, побратались. Жену он себе пока не заводил, говорил, что этот «хомут» никогда не поздно одеть на шею, может его шея и подождать. Сейчас, он должен быть у родителей, в Щёлково, рядом с Московской кольцевой дорогой. Адрес его у меня был, очень простой, дом «китайская стена», квартира №3003, говорил мне Виктор, второго такого дома в их городе нет. С площади трёх вокзалов, куда прибывает поезд из Самары, лучше добираться в Щёлково на такси, цены невысокие. Так всё и получилось, проводница объявила о прибытии поезда в столицу нашей Родины город Москва, на Казанский вокзал, вышел я подземными переходами, по указателям на привокзальную Комсомольскую площадь, напротив сияли огнями и шпилями Ленинградский и Ярославский вокзалы. В переходах, с обеих сторон стояли нищие, калеки и убогие разного вида, с протянутой рукой, кланчили подаяние. Мелочи у меня в карманах не было, а бумажные деньги я запрятал в надёжное место, так меня учили беречь деньги в Москве от карманников. На выходе из подземного перехода толклись таксисты и выкрикивали, кто куда едут. Были тут и Щёлковские таксисты, я взял первого подвернувшегося и сказал ему, что мне попутчиков не надо, я плачу один. Сказал ему адрес Щёлковский, по которому он меня и доставил, в течении получаса, дороги были ещё пустынные. Рассчитавшись с водителем, я попросил его постоять, минут 30, если я не вернусь за это время, больше меня не ждать и уезжать. За время простоя я ему доплатил. Виктор был дома и принял меня, как родного брата.

Мама его, Нюра, оказалась женщиной доброй и хлебосольной, в обед накрыла нам стол «по-царски», мясо с картошкой отварные, огурцы домашние малосольные, капуста квашеная с антоновкой и каравай домашнего хлеба, яблоки свои из собственного сада, грузди белые и лисички маринованные, в салатниках, поставила она нам на стол и бутылочку «кристалловской» водки, запотевшей, из холодильника, прибавила к этому, в хрустальной вазочке лимон, нарезанный кружочками, сахаром, пересыпанные. Вид она имела простецкий, лицо крестьянки, всю жизнь отработавшей в поле и в огороде, небольшого роста, в чистом переднике на груди, хлопотунья. Волосы её уже седые, были завернутые комлем и убраны в белый платок, завязанный концами у неё на лбу. Отец Витьки, Никифор, был в деревне, на их деревенской усадьбе, с ним я познакомился позже. Сели мы за стол, поговорили втрём о жизни, я всё рассказал, как на духу. На «старые дрожжи» меня быстро развезло, поэтому серьёзные разговоры мы с Виктором отложили до завтра. Обсудили главный вопрос, где мне жить на первое время. Мама Нюра предложила, Виктор поддержал, пожить пока у них, первое время, пока я не устроюсь, благо квартира была большая, пятикомнатная. Одна комната, Витино брата Андрея, пустовала. Андрей проходил службу в морской пехоте, на Дальнем Востоке, дембель у него был через полгода. Папа Никифор против не будет, заверили они меня. Рассказал я всё о себе, что можно было, для мамы Нюры. Она меня поругала, за то, что жену с дочкой я бросил. Я её заверил, что на дочку буду регулярно отсылать алименты, а там как жизнь сложится,

но с женой жить я больше не могу. Попили чайку, крепко заваренного, кипяток доливали из самовара, правда электрического. Посидели потом, поговорили с Виктором о трудоустройстве, где поработать, часов в 10 вечера, Анна Ивановна погнала меня в ванну ополоснуться, выдала трусы и носки моего размера и уложила спать в Андреевой комнате на свежие, хрустящие, крахмальные простыни, другого постельного белья она, как я убедился позже, не признавала и стиральная машина у неё в ванной комнате тархтела практически постоянно, каждый день, за то время, что я у них прожил.

Проснулся утром, Анна Ивановна хлопотала на кухне, пахло ароматом свежесмолотого кофе и чем-то вкусным, жареным, оказались это гренки из чёрного хлеба, на подсолнечном масле. Да, везёт Виктору, думал я освобождаясь ото сна, не зря он в «хомут» не торопится. Мне, утром на мой вопрос, чего сегодня у нас на завтрак, Зина всегда отвечала, ешь, чего найдёшь в холодильнике, а мне размели, пожалуйста, зернового кофе, я сама его сварю. Вставая с постели, я увидел на стуле шаровары-«треники», моего размера. Анна Ивановна услышала, что я поднимаюсь и крикнула с кухни, «доброе утра, одевай штаны, будешь носить дома, Андрея нашего штаны». Да, подумал я, Андрей повыше и покрепче будет брата Виктора, Андрей моих габаритов. Виктор, тоже на шум, вышел из своей спальни. Умылись, побрились, сели за стол завтракать. Кроме кофе с гренками, нам положили по тарелке овсяной каши и омлет. После завтрака, посидели с Виктором, поговорили, как быть, что делать. На работу по специальности, мне пока не устроиться, с собой у меня один паспорт. Надо запрашивать документы с места работы, с Мурманска и с Самары. В Самаре у меня диплом «о высшем образовании» остался.

Пошли с Виктором прогуляться по городу, город мне понравился, не маленький, современный, кругом новые здания и строящиеся. По дороге встретила нотариальная контора и зашли к нотариусу. Оформил я официальный запрос-заявление с просьбой уволить меня с работы, по моему собственному желанию, и выслать мне мои документы по указанному адресу. Для подтверждения моей просьбы и ускорения дела, зашли мы на телефонный переговорный пункт, и я позвонил кадровику нашему в Мурманск и «кадровичке», предприятия тепловых сетей в Самаре, Люде. Ну эта меня сдаст Зинке, откуда я звонил. Сделав все эти необходимые дела, решили ехать к Никифору Филипповичу в деревню, благо было недалеко от города, километров пять, семь. Взяли такси, заначка ещё у меня имела. По дороге, заскочили к Виктору домой, и Виктор предупредил маму Нюру, что мы собрались в деревню к папе. Она наказала ему, чего ей из деревни, с огорода привезти домой. Мы заехали и в магазин, взяли чего для встречи полагается, заодно хлеба, баранок, сахару, на всякий случай. Дорога была хорошая, асфальтированная до самой деревни, доехали быстро, минут тридцать, не больше.

Усадьба была обширная, дом добротный, пятистенок, как у нас говорят. Никифор Филиппович был в саду, на небольшой пасеке, ульев в пять, шесть. Чрезвычайно обрадовался нашему появлению и быстро накрыл небольшой стол в летней кухне. Украшением стола был самовар с царскими медалями, паровой фабрики братьев «Баташовых», большой фарфоровый заварной чайник с розами на боках и мед в разных видах, и жидкий в туесе, и сотовый кусками, и обрезки от медовых рамок, перед установкой их в сепаратор медогонки. Мы выставили с Виктором свои гостинцы, Никифор Филиппович очень обрадовался, когда увидел селёдку. К ней он принёс отварной картошки, свежего урожая. Селёдку разделал на две чистых части, выбросив кости и хребет, одним движением руки. Выглядел он молодо, сухой, поджарый, передвигался из кухни в дом и обратно, быстрым шагом. Шевелюра на его голове, только начала серебриться. Руки были трудовые, мозолистые, когда я с ним обменивался рукопожатием, при встрече, в руке его ещё ощущалась сила, не малая. Сели мы за стол, приняли по «соточке», со знакомством, я рассказал о своём житье-бытье, немного он уже слышал обо мне и от Виктора, всё было по-дружески. Сходили с ним в дом, он всё мне показал. Крестьянская хата зажиточной семьи, все добротно, полы деревянные светятся, доски половые отдраены до бела, как

на палубе. Русская печь с лежанкой, снаружи печь обмазана, чисто побелена, печь была протоплена. Никифор Филиппович объяснил мне, что печь он протопил и загрузил в неё яблоки для просушки, на компоты зимой. Прошлись по участку, огород, грядки всё уже убрано, кое где торчит всякая зелень, цветники приготовлены к зиме, остались только календула и хризантемы, астры. Чувствовалась женская рука и забота. За изгородью усадьбы, на склоне к небольшой речке в овраге, стояла банька, как у нас в Заволжье. Баня небольшая, топилась, заметно было, по-чёрному. Был и плодовый сад, небольшой, яблонь на пятнадцать, довольно запущенный, загущенный, требовал срочной прочистки. Я про себя наметил, помогу с садом, займусь, пока у них квартиру.

Вернулись, сели за стол, самовар как раз поспел и довольный посвистывал паром через клапан. Попили чайку, на дорожку. Виктор хотел идти к соседу в дом, там у них был телефон, чтобы вызвать для нас такси, но отец его осадил, нечего шиковать, через час автобус подойдёт рейсовый, вас обоих за рубль до дома довезут. Так и получилось. Привезли мы из деревни, Анне Ивановне, две «авоськи» со всякими овощами, картошкой, зеленью всякой, лук, чеснок и другого всякого, за что получили от неё спасибо.

Пока я ждал документы, а они пришли через две недели, я наладил свой обычный график жизни, подъём в пять утра и утренний кросс. Бегал до деревни, к Филиппычу, там завтракал, работал в саду и бежал обратно. Сад я вычистил до прозрачности. Обрезал кроны плодовых деревьев, как меня научила моя мама. Она говорила мне, у Мичурина написано, крону яблони надо содержать так, чтобы сквозь неё свободно пролетал воробей. На радостях, Никифор Филиппович обрядил меня из своих запасов в матросскую рабочую робу, даже берцы под размер моей ноги нашлись у него. Нарезал, напиллил я сухих ветвей и волчков, ненужных ветвей, большую кучу, сложил кострище за изгородью, будет зола на весеннюю подкормку для посадки. Толстые сучья сложил отдельно, на дрова для растопки печи, для бани и для жарки шашлыка. Поправил изгородь в нескольких местах, чтобы зайцы зимой не шастали в дыры. Никифор Филиппыч, в награду, нам с Виктором устроил банный день, протопил он баньку с травами, с полынью и шалфеем, похлестал нас вениками дубовыми. Пива мы привезли с собой. Делали медовый массаж и попарились славно, после бани по «соточке» приняли.

Получил я на почте все свои документы, прислали ещё денег под расчёт. Никифор Филиппович уже подыскал мне место, где трудоустроиться, в Щёлкове или «Щелчке», как говорили местные. Предприятие было не малое, филиалы у него были по всей «СССР», включая Самару, Казань, Тулу, Брянск, Владимир, Калинин/Тверь, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону и Щёлково (Москва). Специализировалось оно, предприятие, как раз работами по профилю моей профессии, которую я имел, «Ремонт, монтаж и наладка тепловых энергоустановок». Центральное управление, начальство, сидело в Москве, на «Серпуховке». Меня брали мастером на Щелковский участок, предоставляли квартиру малосемейку в общежитии предприятия. Гостиница-общежитие располагалась на территории производственной базы участка. Всё складывалось пока, очень удачно. Мои отношения и дружба с семьёй Виктора сохранялись и продолжались, я чувствовал себя не одиноким, общаясь с ними, я был как часть их семьи.

Рассказ 3. Начало трудовой деятельности в Москве

Съездил я в «Главное Производственное Управление», в Москву, сдал документы свои в отдел кадров, написал заявление о приёме на работу, прошёл медосмотр, в прикрепленной к Управлению поликлинике. Поликлиника располагалась рядом, на соседней улице, много времени на осмотр не ушло, всё прошло быстро. Управление занимало весь первый этаж пятиэтажного здания, постройки сталинских времён, выглядело оно очень строго и фундаментально, рядом была станция метро «Серпуховская», контора организовалась в 30-х годах, всё было солидно и не бедно. С моим заявлением, инспектор отдела кадров, женщина, направила меня к Начальнику управления, для собеседования. Начальник, Кочерман Борис Семёнович, пригласил для собеседования и знакомства со мной, свой управленческий состав, главного инженера, зама по производству, секретаря парткома, председателя профкома. Когда все к нему в кабинет прошли, пригласили войти и меня. Спрашивали о моём производственном опыте, мои ответы удовлетворили главного инженера, секретарь парткома спрашивал, комсомолец ли я, да, я член ВЛКСМ, подтвердил я ему, не планирую ли я вступить в Коммунистическую Партию, я ему ответил, что пока я думаю об этом, профсоюзный билет у меня был. Спросили о семейном положении, я ответил, что я в разводе.

Все ушли из кабинета начальника, по своим делам, а я остался. Начальник управления рассказал мне, что он от меня ожидает, на вверенном мне участке, участок трудный, народ разболтался, работать с ними тяжело, главное, сказал он мне, не руби с плеча, перепроверяй свои решения, если надо советуйся с ним и парткомом, напутствовал меня управляющий, подписывая моё заявление для отдела кадров и отдавая мне его. Служебного транспорта у вас пока не будет, пользуйтесь «оказаниями» и электричкой, а там жизнь покажет, добавил директор. Начальник мне понравился, мужик рассудительный, спокойный, сухощавый как «велосипед», голова с седой шевелюрой. Правда, под носом у него, регулярно появлялась капля, приличных размеров, которую он быстро вытирал носовым платком, видно простудился. Нос у него, кроме того был, слегка сизоватый. Я его заверил, что порядок я наведу, как на «крейсере», если будут какие серьёзные проблемы, я прошу разрешения обращаться к нему на прямую, без совещаний с другими руководителями. В знак договорённости и согласия, он пожал мне руку, и я вышел из кабинета, пошёл в кабинет к кадровику-женщине и отдал ей моё заявление, подписанное начальником, и остался ждать приказа.

Получив копию приказа о своём назначении и должностном окладе, я собрался было на электричку, но секретарша Надя, остановила меня и сказала, «к вам в Щёлково едет наш кассир, на авто управления, выдавать зарплату рабочим, можете доехать с ней. Можете пока пообедать, тут рядом столовая есть приличная, не дорого и вкусно, мы все туда ходим». Прошёл я по окружающим зданию переулкам, познакомился с местностью. Неподалёку располагался старообрядческий храм «Лавра и Флора». В столовую я не пошёл, зашёл рядом в кафешку, слегка перекусил, аппетита не было, наверно от перевозбуждения от всего происходящего. Мне всё нравилось, всё шло как мне хотелось, даже противно как-то было и тревожно, больно всё гладко.

В 14 часов, я сел в «волжанку» управленческую, рядом с водителем Сергеем, познакомился с ним, кассирша Таня, премилое создание, понравилась мне с первого взгляда, чем-то она притягивала к себе, села на заднее сиденье авто, с мешком денег и кучей ведомостей. И мы поехали в Щёлково, сначала выехали на Садовое, потом свернули с Садового направо, перед высоткой, и проехали через площадь трёх вокзалов, мимо Казанского вокзала, на который я прибыл из Самары, и потом ехали всё время прямо, только потом, где-то за кольцевой дорогой, свернули на Щёлково, налево. Ехали долго, был разгар рабочего дня, движение шло интен-

сивно. Потом, за последующие годы работы в Управлении, я проехал по этому пути тысячи раз и выучил все встречающиеся на пути улицы и переулки наизусть.

Приехали мы на базу в 16 часов, через 2 часа пути, народ уже толпился в очереди к кассе, были и явно пьяные и «подшофе», навеселе, я такую публику «чую» за версту. Ну ладно, думаю, стойте пока, скоро я этот бардак прекращу, без перегибания палки, как учил сегодня меня шеф, управляющий начальник Кочерман Борис Семёнович. Татьяна Юрьевна Трёхвятская, приехавшая со мной кассир, прошла в кассу и закрылась изнутри, а меня провёл в мой кабинет, водитель Сергей Игорьевич Четвертной. Перед кабинетом было рабочее место секретаря, секретарь была на месте, и я ей представился, а она назвала себя, Таня. Я попросил её принести мне штатную документацию по участку. Вошёл я в кабинет и сел за стол, довольно удобный, кресло с твёрдым покрытием, что меня порадовало, на поворотном шарнире, позволявшем быстро поворачиваться в нужную сторону, брать или класть бумаги. На стене висел небольшой портрет «генсека», установившего в стране «сухой закон». Я его за это очень уважал.

Ознакомился я с принесёнными секретарём документами, со штатным расписанием производственной базы и её структурными подразделениями. Попросил я секретаршу дать мне список всех бригадиров и мастеров, которые находятся на нашей базе и попросил собрать их всех, в красном уголке, в зале собраний, на после работы. Таню, секретаря, я попросил проводить меня к коменданту нашего общежития, где мне была выделена квартира, малосемейка, для проживания. Комендант оказался мужчина, пенсионного возраста и солидной наружности, с бобриком волос на крупном черепе, «Борис Николаевич», представился он мне. Борис Николаевич сказал, что начальник управления уже ему дал соответствующее распоряжение с утра, и у него всё для меня приготовлено. Провёл меня в квартиру, показал где постельное бельё, была и посуда, необходимый комплект, отдал мне ключи. Рядом у проходной находился магазин-Гастроном, в котором я закупил на первое время всяких пищевых припасов и кое-что, для туалета. Вернулся в квартиру, разложил всё по местам и вернулся на работу.

Из 21 человека, в красный уголок пришло 12 человек, 9 человек отсутствовало по разным, неизвестным причинам. Я представился работникам, сообщил свои анкетные данные и объявил предстоящий порядок нашего трудового дня. Собираемся утром все здесь, на планерку, за 30 минут до начала рабочего дня и вечером, остаемся на 30 минут, после окончания рабочего дня, объявил я им. Озвучиваем проблемы, ставим вопросы, предлагаем решения, вечером сообщаем о проделанной и не проделанной работе. При убытии с базы, в рабочее время, каждый должен произвести запись в книге «убытия-прибытия», с заполнением всех присутствующих там граф, книга лежит у секретаря. В случае наличия в их бригаде или отделе работника в нетрезвом состоянии, на рабочем месте, составлять на него соответствующий акт, в соответствии с КЗОТ, с отстранением его от работы. В случае его неповиновения сообщать мне, вызовем наряд из ближайшего отделения милиции.

Приглашённые мастера и бригадиры загалдели, за возмущались. Я с каждым поговорил в отдельности, поинтересовался, что я сказал не так. Всех возмутило, что больно резко я начинаю, рабочие к этому не привыкли. Я сказал, а вы проведите собрания со своими бригадами, назначьте сроки, день, два, для исполнения поставленных условий, сообщите своим рабочим, что мы будем бороться за звание «участок коммунистического труда». И процесс выздоровления трудовой дисциплины был запущен. Явные, откровенно привыкшие выпивать в рабочее время, а таких набралось процентов десять от всего персонала, были уволены с участка в течение недели, кто по статье, кто по собственному желанию ушёл, искать тёплого местечка в других организациях. Ранее примкнувшие к пьяницам, за компанию, ходили довольные и радовались, давно так пора, говорили они всем.

Постепенно, пьянство из трудового дня выкорчевали, рабочие стали опрятней одеваться, следить за своей внешностью. Были конечно и особо хитрые, но добрались и до них. Больнич-

ные листы сразу съехали в разы, стало спокойнее, исчез травматизм на производстве. Звание «участка коммунистического труда», мы получили, через год. Успехи нашего участка стали озвучивать на всех ежемесячных, общих собраниях управления и ставить наш участок всем в пример. Я тоже получил «Грамоту» и Знак победителя «Социалистического соревнования», от ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ и причитающуюся премию к ней.

Возвращаясь к дню выдачи зарплаты на участке, в первый же день моей работы на предприятии. Татьяна Юрьевна, выдала всем жаждущим зарплату, выдала аванс и мне, согласно с указанием начальника управления, остатки денег заперла в сейфе, кассу сдала под охрану. Из конторы участка, мы с ней вышли вместе. Оказывается, она отправила водителя Сергея сразу по прибытии обратно, в Москву, в контору управления, так как проживала сама в Щёлково. Это меня приятно удивило. Я предложил ей зайти ко мне, попить чайку, пообщаться, если она не возражает. Она не возражала, согласилась, и мы зашли ко мне, в моё новое жильё, я заранее извинился перед ней за своё неустроенное жильё, так как, только что в нём устроился. Прошли мы на кухню, я поинтересовался, что будем пить, кофе или чай. Таня сказала мне, что кофе пьёт только с утра, собственного помола, а вечером предпочитает чай. Я так и сделал, поставил чайник, быстренько приготовил омлет, открыл банку шпрот, нарезал колбаски, какая была куплена совсем недавно в Гастрономе. Выложил батон белого, нарезанного кусками, поставил масло в маслёнке, был у меня куплен и лимон к чаю, сахарница стояла на столе, насыпал в неё купленного сахарного песка. Когда чайник закипел, заварил индийского, в заварочный. Накрыв его матрёшкой, которая тут уже была, видно осталась от предыдущего постояльца, чтобы чайники лучше распарились, расправились и отдали весь свой аромат кипятку.

Татьяна одобрительно наблюдала за моими хозяйственными действиями. Пока я хозяйствовал на кухне, она сходила в туалет, совмещённый с душем, помыть руки и слышу, стала полоскать зубы. Это меня вдохновило на более активные действия. Когда сели за стол покушать, я предложил коньячку за знакомство и новоселье, она не отказалась. Перешли к чаю, завязалась беседа, чувствую контакт есть, от неё пошло встречное излучение ко мне. Я рассказал ей о своём разводе с женой и нежеланием с ней мириться, что у нас с ней дочка, 13 лет и я буду выплачивать на неё алименты. Они живут в Самаре. Татьяну это всё явно порадовало, мне она рассказала о себе, что тоже замужем, но с мужем не живёт, выгнала его, алкаш, достал своей постоянной пьянкой. Где он сейчас, она даже не знает, наверное уехал к своей матери, он сам не местный. У неё тоже есть ребёнок, 10 лет, мальчик. Она с ним и с мамой своей, живут здесь не далеко, в своей квартире и задерживаться долго ей нельзя, надо домой.

Я предложил потанцевать, по радио, которое висело на стене, как раз закончили рассказывать текущие новости и запустили какую-то популярную танцевальную мелодию. Таня не отказалась, мы встали, обнялись и всё поплыло вокруг, всё было взаимно. Она отстранилась от меня и сказала, «я так сразу не могу, мне надо подготовиться, подожди немного», и ушла в душ. Поплескалась в душе и вышла из него в моей белой рубашке с длинными рукавами, которую я простирнул с утра и повесил досушиться её там, на плечиках. Фигура у Тани была изумительная, точёная, гармонично сложенная, на голову ниже меня, я таких сроду на своём пути не встречал. Бабский живот полностью отсутствовал, чувствовались какие-то регулярные спортивные занятия. Стрижка была короткая, под какую-то зарубежную актрису, «бабетта» кажется называлась, цвет волос был светло-каштановый, всё это ей очень шло. Черты лица были изящны, особенно привлекала форма носа, тупоносая раздвоенная туфелька. Глаза серосиние, цвета железобетон. Пульс мой заработал на полную мощность, я схватил её в охапку, на руки и отнёс в спальню, в кровать.

Как опытный «первопроходец» я сразу полез к её «точке G», спрятавшейся между «губ». Но Таня, нежно отвела мою руку и сказала, поласкай меня пожалуйста, и я сделаю всё что ты захочешь. Всё так и было, а так было у меня впервые, несмотря на множество тех, которые

были. Я понял, это моё счастье, буду за него держаться. Было у нас с Таней всё недолго, но очень интенсивно и насыщенно. Когда она позволила мне потрогать её «точку G» и её «губы» моими губами, она взорвалась, почти теряла сознание и в бешенстве царапала мне спину. «Отключились» мы с ней одновременно, только очнувшись я понял, что я не пользовался презервативом. Я её спросил, почему она так разрешила мне, на что она ответила, что вставила специальную таблетку для предохранения. Ну, мы ещё разик повторили, более спокойно, стараясь как можно глубже почувствовать друг, друга.

Я поинтересовался у неё каким видом спорта она занималась, что у неё такая не бабская фигура. «Да никаким спортом я не занималась, просто я до сих пор регулярно практикую „Хатха-Йогу“ и ем без излишеств, избегаю сладкое и жиры, не кушаю тортов, сдобы и всякого такого», отвечала она мне. Мне хотелось её ещё, и ещё, до бесконечности. Но Таня отстранилась, встала, и сказала хватит, пора мне домой, мама и сын ждут. Ушла под душ мыться. Уходя, от двери сказала, «не провожай, тут рядом», и ушла, захлопнув дверь. Она ушла, а я сразу провалился в сон и спал до самого звонка будильника. Вскочил, когда зазвонил будильник, быстро собрался, побрился, чуть сам не нарушил свой же, назначенный распорядок трудового дня. Благо идти далеко и не надо было, все тут было рядом, под рукой. Жизнь зазвучала симфонией Моцарта, я понял, горы сворочу, но Таня станет моей женой.

Рассказ 4. Предложение «руки и сердца». Времяпрепровождения

На моё предложение Тане, стань моей женой, Таня мне отказала, в самой грубой форме. Если это изложить интеллигентно, прозвучало примерно так, «ты сначала развод оформи, а потом предлагай, это раз. Мне самой надо развод оформить, это два. У меня мама на руках больная, я не могу её одну оставить, это три. Жить в грехе „собачей свадьбы“ я не буду, это четыре». Всё сказала правильно, крыть было нечем, надо было оформить, хотя бы свои дела, чем я и занялся. С первого аванса, отправил я Зине алименты на дочь, как положено по закону, 20 процентов от зарплаты, в сообщении к переводу, указал свой адрес и просил её дать мне согласие на развод. Квитанции по алиментам решил собирать в папочку и подколол квитанцию №1, из расчета оставшихся пяти лет, до восемнадцати лет дочери, оставалось примерно ещё 60 квитанций. Лиха беда начало, начало было подшито в красненькую папочку.

Особенно меня раздражал пропускной режим, на моём производственном участке. Наша охрана представляла собой решето, которое впускало и выпускало на территорию и с территории всё, что угодно, материалы, изделия, транспорт, людей. И сами охранники, частенько уходили с работы с разными досками, брусками, железяками. Через неделю моей работы, я явился к начальнику управления Кочерману, и предложил ему оформить договор на охрану производственной базы, с вневедомственной охраной. Сумма, которую мы будем оплачивать по договору, будет многократно перекрыта стоимостью сохранённого имущества. Борис Семёнович, после консультаций с высшим руководством, Трестом, пришёл к согласию по этому предложению, и пропускной режим был установлен, как положено, не «игрушечный». Для многих работников это оказалось неприятным сюрпризом, материал для личных подработок, оказался не доступен. Дополнительно, на проходной поставили стенд для фиксации личного прихода каждого на работу и ухода с территории, это оказался второй неприятный сюрприз, для некоторых. Но поскольку, всё это делалось без афиширования, мою личность, с этими мероприятиями, не связывали.

Трудовой и пропускной режим постепенно были приведены в норму. Начальник управления, чаще стал вызывать меня в Москву, в управление, чтобы посоветоваться по некоторым вопросам, и бывало, что я и дельное что-нибудь предлагал. К сумме должностного оклада, стали постоянно прибавляться доплаты, премии за выполнение, перевыполнение производственных заданий, премии к праздникам, за вредные условия труда, за разъездной характер работы, командировочные. Стали включать меня в состав балансовых комиссий, которые выезжали в филиалы управления, в разных регионах Советского Союза, для проверки их хозяйственной деятельности. Находили мы всяких «дел и делишек» не мало, но старались все проблемы решить без скандалов, за исключением случаев явного криминала, были и такие. Появились первые накопления, которые постепенно росли, постоянные затраты шли только на питание, личную гигиену, одноразово прикупил себе белья нательного и рубашек, костюм и ботинки для торжественных собраний, хороший спортивный костюм и кеды, для утренних пробежек, зимней одежды и обуви, основной расход составляли алименты, квитанции копились.

Зина прислала согласие на развод, нотариально заверенное, я подал заявление в суд, на развод, развод получил, копию решения суда отправил Зине, по её просьбе. Она стала матерью-одиночкой и оформила ряд льгот, связанных с оплатой по воспитанию и обучению дочери, алименты она якобы не получала с меня. Зина, своего не упустит. Я свои проблемы, мешавшие жениться на Тане выполнил, она тоже развелась по суду с мужем, при отсутствии второй стороны, так как повестку явиться в суд ему не было возможности вручить. Но оставалась

не решённой проблема с матерью, мать Тани болела, болезнь была связана с нездоровой психикой, оставалось только ждать развязки. Развязка наступила через три года, психическое состояние матери ухудшилось настолько, что её стало опасно оставлять в квартире одну, было принято решение поместить её маму в ближайший психоневрологический интернат. После сбора всех справок, документов и их рассмотрения, такое действие было выполнено. Мы с Таней, стали периодически навещать её маму в интернате, но она уже дошла до такого состояния, что дочь свою не узнавала. В течении года содержания в интернате, Танина мама скончалась там, и мы ждали, ещё, пока пройдёт год после её кончины, чтобы вступить в брак, Таня держала траур. Я уже встал в профкоме в очередь на улучшение жилищных условий и рассчитывал ко дню свадьбы или недалеко от него, получить полноценную квартиру в Москве.

Я занялся воспитанием дружного трудового коллектива, особенно молодой его части, чтобы эффективней можно было выполнять работы, особенно в командировках. В нашем Управлении было принято проводить зимой и летом, ежегодно спортивные соревнования между участками и филиалами, мы их называли спартакиадами. Организованы они были соответственно статуса, спартакиада. Профком Управления изыскивал финансирование на их проведение, часть средств отчисляли филиалы, помогал и Трест. Спартакиады, по каждому году, на три года вперёд, были распределены между филиалами. Для проведения очередной спартакиады, предназначенный для этого филиал, выбирал местный санаторий или дом отдыха, который обладал спортивной базой и возможностями разместить и накормить до 250, 300 участников спартакиады.

Мероприятие было внушительное и по численности участников и по финансированию. Каждая команда имела собственную оригинальную форму, профком обеспечивал свои команды спортивным инвентарём: зимним, лыжами, формой, хоккейными коньками и клюшками, и прочими аксессуарами, а также летней формой и обувью. Играли командами в русский хоккей, с мячом, в футбол, гонялись в лыжной эстафете, плавали на перегонки в бассейне, играли в волейбол и баскетбол. Был у нас, наш, оригинальный вид зимнего спорта, называли мы его, «бег русских троек». Представлял он из себя следующее, двое парней по здоровей и хорошие бегуны, тащили за собой санки на дистанции 50 метров, разворачивались вокруг контрольного флага и бежали к месту старта. На санках сидел третий участник забега, его задачей было не упасть с санок, особенно при развороте вокруг флага, при падении начислялись штрафные очки, которые переводились в секунды, умножением на 10. В забеге участвовали две тройки, система была олимпийская, проигравшая «тройка» из борьбы выбывала. Это были самые эмоциональные соревнования, шум, крики сопровождали их постоянно. Были у нас и гиревые упражнения, кто больше раз поднимет пудовую гирю. Не остались в стороне и шахматы, на шахматных баталиях было тихо, эмоции у всех кипели внутри.

В качестве отдыха и развлечения, вечером, после соревнований, каждая команда демонстрировала свою самостоятельность, хоровые песни, театральные миниатюры, сценки, кто на что горазд. Всё, и спортивные командные результаты, и самостоятельность, оценивались авторитетным жюри количеством баллов. Команды распределялись по трём призовым местам, 1,2,3, в зависимости от количества набранных баллов по всем видам спортивных состязаний, включая самостоятельность. Все участники спартакиады получали по результатам своих достижений денежные премии, награды, медали, кубки, вымпелы, дипломы, в соответствии с результатами. Спартакиада начиналась и заканчивалась парадом участников. Продолжалась спартакиада по времени, не более рабочей недели. Каждый год, спартакиады проходили в разных филиалах, по всему Советскому Союзу. Была у нас и зимняя спартакиада в Самаре. Прибыв на спартакиаду из Москвы в Самару, и высадившись из поезда на железнодорожном вокзале, я, проходя мимо памятника Чапаеву, поблагодарил его за оказанное содействие мне в Москве, а он ободряюще мне улыбнулся, мол всё ещё впереди.

Для участия в этих спартакиадах, я организовал на производственной базе спортивную команду и самодеятельность, в основном из молодёжи. Всем приходилось совмещать, спорт и самодеятельность. Рядом с нашей базой располагался городской стадион, со всей инфраструктурой, спортивным комплексом, плавательным бассейном, хоккейной площадкой. Договориться с директором комплекса о проведении тренировок было не сложно, я регулярно помогал им с ремонтом коммуникаций и отопления их зданий, отопление всего комплекса осуществляла котельная нашей базы. Регулярно, два раза в неделю, мы собирались всей командой и проводили игровые тренировки разбившись на команды и индивидуальные состязания, между собой. Тренировки не оставляли и когда находились в командировках по стране, бегали кроссы, на лыжах, играли в футбол и на снегу. Пьянство полностью игнорировали. В команду подобрались и настоящие классные спортсмены, бригадир цеха металлозаготовки, Василий, был бывший штангист тяжёлой весовой категории, он эту гирю, в 16 килограмм тягал такое количество раз, что все кричали ему, хватит Вася, надоел, а он только улыбался и продолжал, пока не поднимет больше всех количество раз. Мой друг Виктор, оказался бывшим пловцом перворазрядником, и прыгнув со стартовой тумбы в воду, плыл по дорожке как торпеда. Тренировались все с полной самоотдачей, целеустремлённо, на таких ребят можно было положиться. Была возможность отличиться в соревнованиях и на строительной площадке они работы выполняли досрочно. Последовавшие спартакиады это подтвердили, на всех спартакиадах мы входили в состав призёров.

Во время спартакиад в других городах, начальник управления Борис Семёнович, всегда жил с нашей командой, и в частности, в номере со мной. Мы с ним очень сошлись. Он мне по секрету сказал, что Таня Трёхсвятская, его племянница, и советовал мне её очень беречь и не отпускать от себя, чему я и был очень рад. Когда все проблемы по семейной жизни, мои и Татьяны, были разрешены, мы с Таней поженились, оформили отношения. Свадьбу мы с Таней на предприятии не афишировали, провели её в узком кругу родственников. От меня были, моя мама, Виктор с родителями, Анной Ивановной и Никифором Филипповичем, друг мой Миша Бубенцов из Самары и всё, остальные были от Тани, Борис Семёнович, был у нас с Таней один на двоих, посаженный отец.

Посвящали мы личное время, не только спорту, но и культурному отдыху. Массово выходили в театр и на концерты, в Москве. Особенно все любили посещать оперетту. Постоянно наш коллектив посещал и театр на Таганке, который был недалеко от нашего управления. Старались побывать на каждой новой постановке. Впоследствии я даже подружился с худруком театра. На эти культпоходы приезжали все наши работники, даже с дальних филиалов. Очень был у нас развит туризм выходного дня, на субботу-воскресенье, мы летали самолётом по городам Советского Союза, посещали в них местные достопримечательности и театры. Так в Перми мы слушали «Иоланту» в Пермском оперном театре, посетили музей «Мотовилиха», доехали до Кунгура, сходили в пещеры. Были в Баку, слушали в оперном театре имени Магомаева, популярного советского певца, с одноимённой фамилией, искупались в Каспии, и домой. Много где бывали, много всего посещали, включая Ригу, Таллин, Вильнюс, Каунас, Волгоград, Мамаев Курган, плакали все во время реквиема в мемориале, В Калининграде, собирали янтарь на пляже. Вспоминаются такие случаи. По Баку. Приземлился наш самолёт в аэропорту Баку около часу ночи. Когда мы все вышли на площадь аэровокзала, вся площадь была буквально забита лицами мужского пола. Мы сначала думали, что в нашем самолёте прилетело какое высокое начальство, его встречают. Когда мы вошли в людской коридор, окружавший дорожку, ведущую на посадку в автобусы, мужики из стоящих в толпе, хватали за руки девушек, которые прилетели в нашем самолёте и кричали, «дэвушк ехали со мной!». Не которых пришлось отбивать, а две «девушки», не с нашей группы, уехали с мужиками. Потом, когда мы из гостиницы, на автобусе ехали в аэропорт, на отлёт, этих двух «девушек» пересадили к нам в автобус, из догнавшей нас «волги». В окрестностях Баку мы побывали на комплексе

«Дом Огня». В Каунасе, вечером ходили в ресторан, познакомился там с местной девушкой Данутой. Потанцевали, разговорились. У нас парень был из этих мест, он меня научил одной фразе на местном языке, «кейп юс уардас вена?», «ты живёшь одна?», Данута мне ответила, «вена, вена», «одна, одна». Пошли к ней в гости, «попить чайку». Я спросил, можно я её буду называть пани Данута, она ответила, что её надо называть не «пани», а «панёнка». Она меня после «чаепития» хвалила, «русский мужик хороший». «А ваш мужик, как?», спрашивал я её, «наш мужик плохой, наш мужик дерьмо», отвечала мне Данута. Данута, сама в постели, вела себя очень сдержанно, меня не завела. Но это было до моей свадьбы с Таней. Когда я поженился с Таней, я всякие «приключения» прекратил. Сколько же в нас было неуёмной энергии, как молоды мы были, ничего не имели, но были счастливы.

Возвращаюсь к своей новой семейной жизни. Вскоре, подошла наша очередь и мы получили квартиру в Москве, недалеко от Серпуховки, на Таллинской улице, в новостройке. Когда зама по производству, Шубянича, забрали в Трест, Борис Семёнович, решил вопрос с верхним руководством, о назначении меня в Управление, заместителем по производству. Я переехал в Управление, на «Серпуховку», в сталинскую многоэтажку, в кабинет, расположенный в общей приёмной с кабинетом Кочмана. Чапай на памятнике в Самаре, был доволен, и улыбался Анке с Петькой. Всё шло, как-то подозрительно хорошо, как по нотам. Судьба достаётся при рождении, но и упорный труд к этому способствует, к счастливой «Судьбе».

Доходы мои, ещё больше стали расти, но ещё не выросли до нужных мне размеров. Алименты мои все были выплачены, дочка от брака с Зиной стала совершеннолетней, 61 квитанция, подтверждающие их, алиментов выплату, оставались подшитыми в папочке красного цвета, можно было положить её, папочку, в свой семейный архив, что я и сделал. С Таней мы определились, по её настоянию, по финансированию нашей семейной жизни. Она тратит свои доходы на себя и сына, что остаётся, тратит как посчитает нужным. Я вношу в семейный бюджет и отдаю ей, запланированную сметой расходов сумму денег, остальное я кладу на счёт в банке, «на чёрный день».

Но скоро этот чёрный день настал для всей «СССР» и деньги в банке превратились в ничто. Перед тем, как деньги сгорели, во время «кооперативов», я их наложил туда «мешками», и безналичка вдруг стала наличкой. Все погнались за деньгами, хотя мало чего в них соображали и купить на них стало нечего, а чего было можно купить, цены возросли многократно.

Всё надо было начинать сначала, а после банковского дефолта, «обули» всех, но «Василий Иванович Чапаев» на памятнике не унывал, это был ободряющий для меня знак, надо только правильно распределить «картошку», и мы прорвёмся, как он нас всех учил с экрана в кинофильме «о себе». Коммунист-анархист, как сам себя он называл.

Возвращаюсь во времена, когда я стал заместителем начальника управления по производству, и «чёрный день», для населения «СССР», был ещё впереди. Вспоминаю, как будучи курсантом «мореходки», я попал в «круговерть» самодельной авторской песни (САП). Этим «САПом» заразилась многомиллионная масса советской молодёжи, и не только. Бери гитару и сочиняй, иди на сцену, никаких консерваторий не требуется. Это все превратилось в полноводное социальное движение, которое почти сразу начало перерождаться в хороший бизнес и весёлое время препровождения. В этой круговерти я немало заработал денег. Друг мой по «мореходке», Мишка Бубенцов, по прозвищу «Бубер», начиная с курсантов, увлёкся тогда этим молодёжным движением студентов-туристов, альпинистов, романтиков и геологов, бродивших по горам, долам и рекам «СССР», кто в силу своей профессиональной деятельности, кто просто по причине, чему-то надо было посвятить своё свободное время, кому заняться было нечем, вот и несло их кого-куда. В этих походах у них происходили всякие происшествия, плохие или хорошие, на их основе, у туристов возникали стихи, которые они затем рассказывали всем окружающим их товарищам, под мелодию гитары. Возвратившись в род-

ные места, они продолжали это делать, собираясь где-нибудь совместно на природе, для воскресного отдыха. Так возникло движение «Клуб Самодеятельной Песни», «КСП». Некоторые остряки расшифровывали это сокращение, как «комбинат студенческого питания», что в общем то, имело смысл, если понимать это питание в духовном, культурном смысле. Это, было первое неформальное социальное движение студенческой молодёжи, любителей бардовской песни. Сочинители этих песен присвоили себе этот старинный титул, барды. Барды, кельтское прозвище исполнителей героических, воинских песнопений. Так появились «новые герои», которые могли выразить себя перед публикой. А где много собирается народу, там всегда начинается товарообмен, базар, торговля, чем и воспользовались организаторы этих собраний и фестивалей. Миша Бубенцов, по прозвищу «Бубер», остался работать в Самаре и стал одним из организаторов первых бардовских фестивалей в Куйбышеве/Самаре. Когда я стал появляться в Самаре, как проверяющий по работе Самарского филиала нашего управления Московского, я обязательно встречался с Михаилом, и при разговорах о проведении бардовских фестивалей в Жигулёвских горах, Михаил жаловался мне на нехватку финансов для достойной их организации и проведения. Настало время, когда я смог предложить на проведение очередного фестиваля кругленькую сумму денег. Михаил лично гарантировал неплохой процент, после завершения этого фестиваля. Так я постепенно вошёл в круг организаторов и спонсоров этого фестиваля бардовской самодеятельной песни в Жигулях. Число участников и посетителей этого фестиваля стало быстро нарастать, и с двух, трёх тысяч человек выросло до нескольких сотен тысяч. Это была огромная масса людей, которых надо было накормить, напоить, обслужить, дать им место, где от этого опорожниться, стоянки для ночёвки и транспортных средств участников и торговцев, и прочее. Число исполнителей возросло до такого количества, что отбор участников для финального концерта шёл на нескольких площадках целую неделю. Это была огромная масса потребителей, которая приезжала ежегодно на Жигулёвский фестиваль отдохнуть, расслабиться, забыться, для чего везла с собой некоторую сумму денег, которые переходили в карманы торговцев, которые платили комиссию для допуска в зону фестиваля, для своей торговли. Хороший доход приносили рекламные щиты, развешенные и расставленные повсеместно, по всей территории фестиваля. На них рекламировалось всё, инструменты, снаряжение для туризма и отдыха, выгодность вкладов в различные банки и много чего ещё.

Оргкомитет работал круглогодично, налаживая всю эту торговую машину. Доход от проведения фестиваля, нарастал и я, в том числе, получал свою увеличенную долю прибыли, капитал мой рос. Зарабатывала на этом, и наша с Зиной дочка, которую я назначил от себя представителем. Девушка была хваткая, своего не упустит. Но для меня, это было просто хобби, доходы от основной работы перекрывали фестивальные во многие разы. Для контроля ведения моих дел на фестивале, в организационный комитет, включили мою самарскую дочь, Ксению. Ксения к этому времени заканчивала обучение на юридическом факультете университета, и по внешности превратилась в цветущую, розовощёкую, серьёзную женщину, очень похожую на своего дедушку Фёдора. Я ей полностью доверял в этом деле, мы с ней дружили, она ценила мою многолетнюю финансовую помощь для неё, с моей стороны, за все эти годы. Добро возвращалось добром.

Жизнь менялась быстрыми темпами. При нарастании доходов от фестиваля в Жигулях, началась «грызня» между членами организационного комитета, фестиваль развалился на две независимые зоны, у каждой своя коммерция. Большая часть движения осталась с Мишей, и я тоже. Наши барды, начавшие свой самодеятельный путь романтиками, мечтателями, переросли в «волков-прагматиков» рынка «певунов и музыкантов», организовались в союзы и лиги, поделили территорию Союза между собой на концертные зоны. «Машина» завертелась, стали они, барды выпускать альбомы своих концертов на пластинках, магнитной плёнке, лазерных дисках, писать мемуары, воспоминания, открыли в интернете свои сайты и страницы, всё для потре-

бителей-«романтиков». Особенно в этом деле преуспел один из наших бардов Гело Титяев. Капитализм нарастал, коммунизм хирел и исчезал, даже у бывших «романтиков».

Рассказ 5. Социализм с человеческим лицом. Кооперативное движение

Тут подоспела демократизация общества и перестройка. Поскольку, наше управление располагалось на «Серпуховке», а она составляла часть пути от «Кремля» до «Донского» монастыря, по этому пути стали часто возить всяких зарубежных гостей советского правительства и лично генерального секретаря, на поклон в монастырь. Мы, весь наш персонал, привозили и со Щёлковской базы, мы участвовали в «ликующей толпе», махали флажками советскими и принимаемой стороны. Наш Архипыч, секретарь парткома, заранее привозил флажков принимаемой стороны и выдавал каждому, перед выходом на улицу перед встречей. Был один проезд, который я никогда не забуду. Это проезд президента США Рональда Рейгана. Его везли в чёрном длинном лимузине, закрытом, с крышей, а на подножках его автомобиля, спереди и сзади, по обеим сторонам автомобиля, стояли четыре охранника, в шляпах, с автоматами на плече, в положении «наперевес». Напоминало всё это, кадры из американских боевиков, где показывали гангстеров Чикаго или Детройта.

По коммунизму был нанесён разрушительный удар, был принят «Закон о развитии кооперации», «народные избранники», во вновь «избранном» единогласно «Верховном Совете СССР», приняли его, и он вступил в силу. Было ещё перед этим постановление, «о переходе предприятий на хозяйственный расчёт». Это была первая лазейка для закачки «безналичных» государственных денег в наличный коммерческий оборот теми, кто эту возможность понимал и имел использовать её для себя. Получился «большой привет» ленинской пролетарской кооперации.

Папа Кочерман, «держал руку на пульсе» у текущих событий. Папой он разрешил мне себя называть на нашей свадьбе с Таней, но только в неофициальной обстановке, в семье. Он сразу стал использовать возможность запустить дополнительные денежные средства в оборот, на закупку материалов, труб, металла, кирпича и оборудования для монтажных работ, включая автомобильные подъёмные краны на шасси автомобиля «Урал», высокой проходимости. Мы часто выполняли монтажные работы в таких тяжелых условиях по проходимости автотехники, что с ними справлялись только «Уралы». Другие управления нашего «Треста», использовали хозрасчётные возможности в первую очередь на увеличение зарплаты и социальных выплат. Когда был принят «Закон о развитии кооперации», Борис Семёнович зашёл в мой кабинет, и мы с ним стали обсуждать сложившуюся ситуацию и что делать. Шеф-папа сообщил мне своё мнение по новому постановлению, «будем мы с тобой Руслан совмещать коллективный труд с индивидуальной трудовой деятельностью». Затем он рассказал какие надо срочно принять меры, мне только оставалось поддержать и начинать действовать.

Решение было принято такое, срочно организуем кооператив, я Председатель, Таня, главный бухгалтер, все мы трое учредители. Все наши действующие договора по Управлению и филиалам, максимально переводим на кооператив. Всем надёжным работникам, специалистам и здесь в Москве, и в филиалах предлагаем вступить в члены кооператива. Позвали в кабинет Татьяну, она пришла, мы ей объяснили ситуацию и принятое решение, она сразу согласилась. И работа закипела. Стали придумывать название, когда надоело перебирать и обсуждать всякие звучные названия, приняли разумное решение, назвать кооператив также, как называлось Управление, только с добавлением слова «кооператив». Это оказалось самое правильное решение. Оформили на следующий день все нужные протоколы и решения, какие полагалось по новому закону, расписались, в этих документах, и я отнёс их в местную управу района. Знакомых в управе района у меня уже, к этому времени, было предостаточно, поскольку я часто в ней бывал по вопросам аренды и содержания нашего здания на «Серпу-

ховке». Через два дня, приняли положительное постановление по нашей заявке и выдали регистрационные удостоверения вновь рождённого кооператива и поставили на налоговый учёт, открыли счета в банке. Всеми этими делами занимались Борис Семёнович и Таня. Когда изготовили печать кооператива, Борис Семёнович повесил её у себя на шее, на шелковом шнурке. Если надо было поставить печать на каком-нибудь документе, я и Таня шли к нему, он изучал бумагу, и, если было всё как надо, ставил печать. Вначале мы с Таней возмущались на него, за такой его поступок, но скоро время подтвердило всю мудрость этого поступка. Мы развили бурную деятельность со всеми нашими производственными участками и филиалами. Надо было выезжать на места, для личных контактов. Борис Семёнович, снабдил меня всем необходимым для запуска работы кооператива на участках и в филиалах, срочно нужны были договора с надёжными, платёжеспособными Заказчиками. Выдали мне уже подготовленные бланки договоров с реквизитами кооператива, бланки «процентовок», на выполненные работы, для выставления счетов на оплату, бланки заявлений на вступление в кооператив, загрузили все эти пачки бумаг в багажник управленческой волжанки. Перед тем как, посадить меня в авто, «папа» дал мне жёсткие инструкции, привлечь в кооператив самых надёжных ребят, которые не запьют от свалившихся денег, предварительный список фамилий, мы уже с ним обсудили. Надо было оперативно переоформить наши договора с организациями-заказчиками, которые уже были оформлены на Управление, на кооператив. Он и Таня, посадили меня в «волжанку», и мы с Серёгой, нашим водителем, двинули на восток, в Горький/Нижний Новгород, Казань, которая всегда была Казанью и в Куйбышев/Самару. Нужных людей, с близких филиалов и участков, Борис Семёнович вызвал к себе в Москву.

С кем я разговаривал, по вопросам выполнения работ через кооператив, с переоформлением договоров, соглашались принять в этом участие, ни одного отказа не было, работники наши, уже сами этого хотели. Писали заявление на вступление в кооператив, я им выдавал формы бланков договоров, с реквизитами банковских счетов кооператива, все обязались переоформить договора в кратчайшие сроки. Всех, кто согласился переоформить договора на выполнение работ на кооператив, сразу предупреждал, чтобы работали в этом направлении с теми заказчиками, которые не будут задерживать оплату выполненных работ. Не платёжеспособные заказчики, а количество таких, за последнее время стало увеличиваться, пускай остаются на договорах с управлением. Кроме того, всех, кто вступил в кооператив, я предупредил о необходимости выполнять производственные задания и по договорам управления. Были такие, кто на такую двойную работу соглашались, а примерно половина, с кем я беседовал, написали заявления на увольнение с работы из управления, желали работать только в кооперативе. Это были работники из тех, кто считал, что, если приработок больше зарплаты, надо бросать работу по месту получения зарплаты. Для всего персонала филиалов, я объявлял, что приехал с проверкой производственной деятельности их участков, так как за последнее время шло снижение показателей выполнения плановых заданий. Кооператив сразу заработал с хорошей отдачей, в течении месяца, двух.

Работники повезли «акты-процентовки» на выполненные «кооперативом» работы в Москву, со всех филиалов, ежемесячно. За первые два месяца такой работы, на счёте кооператива собралось около 100 миллионов рублей. Кооператорам была выдана зарплата в 10 раз больше той, что они получали в управлении. Были и такие, ударники, которые за месяц заработали на Жигули. Я, на первые «жигули», копил три года, когда избытки появились, а тут за месяц. Некоторым, хотелось ещё больше. Хотелось всем, в то время, иметь, в основном следующее, квартиру, без тещи, автомобиль жигули, мебель чехословацкую, телевизор японский, с видеоманитофоном, к нему фильмы импортные с порнухой, музыкальный центр и грампластинки битлов и скорпионов, ихнего производства, магнитофон кассетный японский, переносной, чтобы орал «на природе». Краткий, стандартный набор «хотелок» того времени.

Были у нас и спецы, любители по тряпкам, те бегали за иностранными туристами, у гостиниц и предлагали им «чейндж» на ходу, на всё, от нижнего белья до шляпы.

Появились и «мешочники», которые потащили весь этот импортный «ширпотреб» из-за границы, возникли первые торговые точки на квартирах, в многоэтажках, куда жаждущие попадали «по знакомству» и отоваривались всеми этими «хотелками», включая и продукты питания, шоколад швейцарский, пиво немецкое ФРГ, конфеты, вино, коньяк, печенье, сигареты и прочее. Я купил первый свой видак и телевизор японский, по цене двух жигулей, о чём предпочитал молчать, говорил, Тане, что друзья, моряки привезли из «загранплавания». Народу хотелось «жрать в три горла», а три горла были только у «Змея Горыныча». Появились и «Горынычи», из общей массы «строителей коммунизма», авангардом этих строителей, были члены «КПСС». Я в члены «КПСС» попасть не успел, пока числился в кандидатах в партию, «КПСС» отстранили от управления государством, и вопрос перехода из кандидатов в члены, отпал сам собой.

Дела Управления всё ухудшались, объёмы работ, плановые, не выполнялись, выплаты зарплаты задерживались месяцами, да и те были скудноваты, по тем временам. Специалисты, с работы в Управлении рассчитывались, переходили на работу в кооперативы, которые стали плодиться везде, как поганки. Но мы, с Кочерманом, года на два успели опередить основную массу кооператоров, и хорошо подзаработать. За это время, на счету кооператива, денег собралось побольше миллиарда рублей, чистой прибыли.

Нашим кооперативом стали очень сильно интересоваться всякие органы, «внутренние» и «внешние» тоже навещали. Зачастили представители всяческих инспекций, которые неделями донимали нас, меня и Таню, проверкой наших кооперативных документов. Пришлось Тане взять на работу помощника, для работы с проверяющими, потому что не оставалось времени для работы с документами кооператива. Проверяющие постоянно заходили ко мне в кабинет, с разными «вопросами» и предложениями помощи, для решения этих «вопросов». В глазах у них, у проверяющих, сквозило только одно предложение, ну дай хоть сколько-нибудь, ты же такой богатый. Но мы, им всем, проверяющим, доказывали и показывали по документам, мы строго выполняем все требования, установленные законом и безгрешны. Это их очень расстраивало.

Были проверяющие и «внешние», от местных «крышевателей», предлагали «услуги» от местного рэкета. С ними общался сам, Борис Семёнович. На одной такой встрече довелось присутствовать и мне. «Ритуал» общения мне понравился. Прибывшего «быка» Борис Семёнович просил сесть рядом, вызывал секретаршу Надю и просил принести чай и кофе, предлагал посетителю закурить, для этого держал всякие «Кэмэл» и прочие. «Бык» начинал успокаиваться и расслабляться. Затем он вызывал главбуха с документами. Начиналась беседа по решению «вопроса». Борис Семёнович рассказывал «посланцу», что контора у нас не торговая, строительная, налички нет, всем должны, даже налогам. Главбух показывала графики погашения задолженностей. Очередной «решальщик» уходил «не солоно хлебавши», всё проходило тихо, мирно, без взаимных угроз и нервотрёпки.

Время на работу стало не хватать. Пришлось применять не стандартные решения. Помог нам в этом вопросе, снизить количество проверок инспекциями до плановых и убрать внеплановые, наш бывший парторг Архипыч. Он сразу перестроился, в духе времени, почуял откуда ветер дует, стал клеймить в местной газете «кровавый сталинский» режим, незаслуженные привилегии «партийной номенклатуры», отрыв их от народа, необходимость устройства «социализма с человеческим лицом». В общем, Архипыч, перебрался в передовой отряд радикальных, либеральных демократов, требовавших радикальных изменений в «СССР». Мы, с Кочерманом, всячески Архипыча в этом вопросе поддерживали, отпускали его с работы на всякие ихние сходки и мероприятия, приняли Архипыча и в кооператив, нашли ему дело, вести оформление внутренней документации кооператива. Архипыч, имел связи и в органах,

сам был из «бывших», пенсию выслужил. Архипыч пообщался в некоторых кругах, пришлось немного его профинансировать на проведение встреч и застолий, количество проверок резко съехало, стало полегче дышать. Архипыч у нас постепенно вырос до народного избранника, стал депутатом сначала «Московского Совета», а потом перебрался и в «МосГорДуму». Так же мы поняли, вредно класть все средства на один счёт, как говорится, не клади все яйца в одну корзину, открыли счета по банкам в филиалах кооператива и разделили между ними, перевели деньги с основного счёта.

Тут подошло время выборов «народных» директоров на предприятиях, взамен «партийных». Вновь принятый «Трудовой Кодекс», предусматривал право работников на участие в управлении организацией. Кандидаты на пост директора, перед выборными собраниями, всегда проводили интенсивную «обещательную компанию», как они всего дадут, исправят, добьются. Работники им охотно верили и выбирали их в директора, после чего директора про «обещалки» забывали. Мне обещать особо ничего не надо было, все было подтверждено предыдущими моими делами, авторитет у меня был непререкаемый, во всех коллективах Управления. Моя кандидатура прошла в директора без проблем, с большим перевесом перед другими претендентами. Мою кандидатуру поддержал и «Трест», и сам управляющий, Борис Семёнович Кочерман. После назначения меня директором, кабинетами с Кочерманом мы меняться не стали, перевесили только таблички на дверях, я назначил его заместителем директора по производству. Добро порождает добро. «Папа» Кочерман очень многому меня обучил.

Когда началась вся эта «перестройка» он мне говорил, заканчивай свою борьбу с пьянством, пусть пьют, лишь бы работали. Пропьются, опять работать надо, а требования у пьющего по размерам зарплаты не на первом плане, ему хоть бы чего дали, он и этому будет рад. У нас в стране почётен любой труд, даже низкооплачиваемый. Стал я постепенно устраивать всякие праздники по случаю, со своими сослуживцами, для «спаивания коллектива». Количество претензий и требований ко мне, со стороны окружающих, заметно снизилось, больше оставалось времени на личные дела и ИТД, индивидуальную трудовую деятельность.

Вспомнил я молодость, мореходку, захотелось мне в море, только в тёплое, ещё лучше в океан, морозами и льдами «наелся» я досыта после мореходки, во время работы на «Севморпути». Занялся тренировками по управлению яхтой с мотором и с парусами, познакомился с нужными людьми, стали меня брать в походы на внутренних водоёмах, а мне хотелось в океан. Такой случай представился. Друг мой Самарский, Миша Бубер, помог. Он хождение на яхте давно начал и связи у него соответствующие были с друзьями. Собирался он в плавание вокруг Африки, от Тель-Авива, в Средиземном море, до Шарм-аль-Шейха в Красном море, с этими друзьями. Потом по Суэцкому каналу, в порт отправления, Тель-Авив. Самолётом в римский аэропорт «Леонардо да Винчи», а уж оттуда в Москву, в Шереметьево. Меня они взяли, как своего парня, способного профинансировать плавание, я уже был в состоянии это сделать. Яхта оказалась парусно-моторная, класса С, для прибрежного плавания, и при волнении на акватории не более 6 баллов. Совершили мы этот поход без хороших лоций, шли правда вдоль побережья, в пределах видимости. Заходили для отдыха и пополнения запасов в прибрежные порты, шторма и сильное волнение тоже отсиживались в бухтах, яхта была небольшая, не океанская, в общем это была авантюра чистой воды, в стиле советских туристов, взяли рюкзак сухарей и полезли на Памир. Помогала контролировать погоду во время перехода, радиостанция на борту, сообщения синоптических служб, но всё равно зацепляло нас иногда непогодой или налетевшим штормом, тогда бывало жутковато. Адреналину получил я в достатке, на такое, денег было не жалко. Дополнительные расходы, на проход яхты, были в районе Сомали и пока по Каналу провели нас лоцманы, «бакшиш» брали за всякий «чих», который лоцманы сами же и придумывали, при этом ещё тащили из штурманской рубки всё, что «плохо» лежало, но хорошо выглядело. Вернулся домой я прокалённый, просмолённый, просоленный. Татьяне я очень такой понравился, вспомнили молодость, два раза.

Тяга в тёплые края, привела к тому, что я обзавёлся домом-усадебой в пригороде города Сочи, Краснодарского края. Оформил, правда, я это приобретение на маму, перевёз её из нашего посёлка лесосплава, в Лазаревское, в 40 километрах от центрального Сочи. Маме давно хотелось вернуться в родные края, она была родом из казачьей семьи, с Кубани. Случилось это так, персонал нашего Ростовского филиала был приглашён для ликвидации аварии в тепловом хозяйстве Сочи. Меня назначили руководителем участка, выполнявшего ремонт разрушенных тепловых сетей. Я быстро прибыл на место работ, прилетел самолётом через Адлер, а в аэропорту меня встретил наш мастер, Андрей Калтушко. Через 30 минут, мы были уже на заседании штаба по ликвидации аварии. Времена были тяжёлые, нужны были трубы и другие материалы. Срочно пришлось всё везти из Ростова. Наши сделанные запасы начали «работать», окупаться многократно. Поселили нас всех в пригороде, в доме-усадебке, принадлежащем администрации города. Работали мы на совесть, организовали практически круглосуточную работу. Сделали все работы по графику, сети запустили, дали тепло в жилые дома. Наши мастера, техники и рабочие осуществляли и пусковые работы в домах, заваривали свищи и разрывы, стравливали воздух из систем отопления, ставили отопительные системы домов на циркуляцию. Стремилась как можно быстрее нормализовать ситуацию с отоплением в домах. В качестве оплаты, за выполненные работы, мне предложили этот дом в Лазаревском, в котором мы жили, так как денежных средств администрации города не хватало, для расплаты со всеми подрядчиками «ликвидаторами». Я решил провести все работы и материалы, затраченные при ликвидации аварии, через кооператив, а дом оставить за собой. Спросил разрешение Бориса Семёновича, он эту мою просьбу одобрил. Осталось только оформить маме прописку в этом доме, в чём была оказана оперативная помощь городским управлением, тем более моя мама, как фронтовик, имела для этого право, на льготных условиях. Привёз я маму в Лазаревское, свершилась её мечта, она была уже рядом с родными местами. Дом был большой, двухэтажный, с приусадебным участком на 20 соток, до пляжа было около километра. Для проживания её одной, дом был великоват. Поэтому мы с ней решили комнаты сдавать в наём отдыхающим. Для работы по дому и с отдыхающими была нанята сестра-хозяйка из местных жителей. Мама следила за порядком и дисциплиной, это она могла делать и любила. В межсезонье мы старались привлечь на отдых в дом друзей, родственников, знакомых. Дом работал и приносил небольшую прибыль, так как приходилось вкладывать в его ремонт и благоустройство, включая приусадебный участок, хорошие деньги, но это того стоило. Мама прожила в Лазаревском до своей кончины, пришлось мне наследовать её имущество и нанимать для этого дома, в Лазаревском, управляющего из местных.

Без «папы» Кочермана, много чего прошло бы мимо меня, умнейший был человек, царство ему небесное и вечный покой. Он жестко контролировал использование наших реквизитов, уберёг меня и Таню от многих «проколов». Он был инициатором превращения денег в материалы и оборудование, которые мы накапливали на Щёлковской базе. По инициативе Бориса Семёновича, была организована и развёрнута на базе в Щёлково, лаборатория сварки, наличие которой, в дальнейшем, помогло нам выигрывать тендеры на монтаж оборудования на различных пивных, кондитерских, и прочих предприятий пищевой промышленности, с участием иностранных партнёров. Наш мастер, Андропыч, основатель и руководитель лаборатории сварки, расширил её до центра сертификации оборудования зарубежных производителей, на предмет соответствия их требованиям норм безопасности «СССР», а впоследствии и Российской Федерации. Это стало решающим преимуществом нашего кооператива в борьбе с конкурентами за валютные заказы. Используя наши связи с зарубежными фирмами, производителями энергетического оборудования, мы в Щёлково, на базе, организовали выставочный, работающий, «энергоцентр», из рекламируемого оборудования, который вырабатывал электроэнергию при сжигании природного газа в газовой турбине небольших размеров, а на горячих выхлопных газах после турбины, вырабатывал также теплоту через котёл и холод, через

«чиллер», специальную установку. Называлось это оборудование энергосберегающим и, приобретение и установка его в «СССР» и России, дотировались из государственного бюджета. Для ознакомления с его работой, к нам, в «энергоцентр», приезжали заказчики-экскурсанты со всего Союза. На покупке этого оборудования за валюту, поставке его и продаже мы имели приличную прибыль уже в валюте, что позволяло закупать оборудование на склад, до изменения курса рубля, который постоянно начал падать. Постепенно заработки мастеров, специалистов и рабочих кооператива, Борисом Семёнычем, были снижены до разумных пределов, чтобы необходимость «работать» ощущалась.

Борис Семёнович чем-то напоминал мне Василия Ивановича Чапаева, с памятника на площади, перед железнодорожным вокзалом в Самаре. Только нос у Кочермана был явно не «чапаевский», и лиловатых оттенков. Когда «папа» проводил мне мастер-класс по решению очередного хозяйственного, финансового ребуса, он двигал передо мной по столу не картофелины, как в фильме, а рюмки с коньяком, это была его маленькая слабость. Я пытался, ненавязчиво отговорить его от этой слабости. Я ему в качестве примера приводил данные французской статистики, во Франции каждый год квотируется количество изготовления коньяка, в зависимости от величины годового урожая винограда. Я ему говорил, Борис Семёнович, видишь, во Франции объём коньяка ограничен, а у нас в России, зайти в любой деревенский магазин, про городские магазины я уж не говорю, и увидишь на прилавке «Хеннеси», бросай ты эту бурду употреблять. На это он всегда отмахивался и говорил мне, «коньяк мне поставляют надёжный, эксклюзивный источник, в магазине я его не покупаю». Так и пил он свой «Хеннеси», из эксклюзивного источника, до самого последнего дня. Сам он был яркий аскет, ничего лишнего, ненужного для жизни не имел и не приобретал. Деньги его вообще не «зажигали», они для него были способом доказать силу своих умственных возможностей и способности предвидеть развитие событий. Второй его слабостью были сигареты, курил он почти непрерывно, какие-то тонкие, чёрные, импортные сигареты, издававшие приятный аромат. Носил он их в серебряном портсигаре, поставлял ему эти сигареты так же «эксклюзивный источник». Третьей его слабостью, была его племянница Таня, дочка его сестры, которая тяжело болела и скончалась в психоневрологическом интернате, в Щёлковском районе. После её смерти и моего развода с Зиной, Таня разрешила мне стать её мужем. Была ещё у Бориса Семёновича глубоко законспирированная тайна, сам я, конечно, «со свечой не стоял», но была у него симпатия к нашей уборщице помещений в офисе, Алле. Она женщина была средних лет, роста выше среднего, черты лица тонкие, нос аккуратный, губы узковаты, белокурая, очень молодящаяся, явно из интеллигентной среды. Формы тела она имела развитые, но без восточного излишества. Приходила она в офис, выполнять свою служебную функцию, вечером, когда в офисе никого уже не было, кроме Начальника Управления. Он каждый день засиживался на работе. Про остальное знают лишь стены, но бывали моменты, когда Борис Семёнович выглядел с утра, на работе, посвежевшим и помолодевшим. По зарплатной ведомости я видел, что у Аллы зарплата, не меньше чем у наших инженеров. Когда начал функционировать кооператив, мы доплачивали Алевтине, к её зарплате, и от кооператива.

Сам Борис Семёнович, жил одиноко, супруга его погибла в молодости, детей у них не было. Занимал он комнату, в коммунальной квартире, с кучей соседей, на Пятницкой, в дореволюционном доме, недалеко от Управления. Только потом, когда началось расселение коммуналок, и была разрешена приватизация старого жилого фонда, подлежащего капитальному ремонту, мы с Таней выкупили две комнаты, примыкавшие к его комнате, сделали ремонт и реконструкцию, устроили ему отдельный выход на площадку в подъезд. Даже в усадьбе, в Лазаревском, он появился всего один раз, с ознакомительной целью. Прожил в Лазаревском несколько дней, и вернулся в Москву. Он любил одиночество и размышления.

Рассказ 6. Приватизация. Ликвидация «СССР»

Началась приватизация, после ликвидации «СССР». Президент Михаил Горбачёв объявил, по телевизору, слагает с себя полномочия президента «СССР», по принципиальным соображениям. Суть соображений он не объявлял. В Кремле, со здания, где находились резиденции обоих президентов «СССР» и «РСФСР», с флагштока, был спущен государственный флаг «СССР». Рядом с флагом «СССР» был вывешен и Флаг «РСФСР», президент «РСФСР» Борис Ельцин, объявил всем, что «РСФСР» ликвидировали и теперь у нас государство Российская Федерация из трёх стран «Содружества Независимых Государств», «СНГ» и восьми присоединившихся бывших союзных республик, которые объявили о своей независимости в последующее ближайшее время. На место флага «РСФСР», был поднят флаг «Российской Федерации», «триколор», цвета которого были цветами флага торгового флота Российской империи, теперь этот флаг, стал государственным флагом, вновь образованного государства, «Российская Федерация». Государственное образование «РСФСР», было ликвидировано.

В последующее время, за этими преобразованиями государственного устройства, через полгода, летом, началось преобразование государственной собственности в частную. Назвали этот процесс «приватизацией». Тут, вся мощь финансового гения Бориса Семёновича, проявила себя в полную силу. Вначале мы, с его, Кочермана подачи, преобразовали наш кооператив в товарищество, позже мы поняли, зачем. Через некоторое время было объявлено об учреждении Комитета «Госимущества» и Федерального управления по госимуществу. После того, как всему населению, на каждого человека был продан за 25 рублей ваучер, с объявленной ценностью 10 тысяч рублей, в отделениях сбербанка, я получил 3 ваучера, свой, жены и пасынка. Началась приватизация предприятий торговли, бытового обслуживания населения и прочих мелких предприятий, а также и средние предприятия, типа нашего. Попали в эту первую приватизационную волну и мы, наше управление. Началась агония «социализма с человеческим лицом». Прошла «Павловская денежная реформа», с благой объявленной целью, изъять деньги у спекулянтов и теневых дельцов, заодно их изъяли и у всего населения. После этой реформы, цены на все товары поднялись в три раза.

Наше Управление приватизировалось через преобразование его в акционерное общество открытого типа. Фондом Госимущества была определена стоимость предприятия и на эту стоимость было установлено количество акций, которые определяли стоимость нашего предприятия. Работникам нашего предприятия, акции нашего предприятия, продавались по льготным ценам, с рассрочкой выплаты по времени. 29% акций были выставлены к продаже, через «ваучерный инвестиционный» фонд, за «ваучерные чеки». В стране началась скупка «ваучерных чеков», у их владельцев, за наличные деньги. Ваучеры были анонимны, как денежные знаки. Буквально на улице, сидели «мужики» с чемоданами денег, и скупали ваучеры у любого, желающего их продать. Покупали их, конечно не за 10 тысяч рублей, а за сотню, две и дешевле, «две автомашины Волги», за них никто не предлагал, как обещали «отцы-приватизаторы». Когда деньги-ваучеры появились у всего населения, они естественно потеряли свою номинальную стоимость, обесценились. Нашими действиями, в этих условиях, управлял Кочерман. Он нам объяснил, что акционерным обществом открытого типа, будет управлять и фактически владеть им, тот, у кого будет контрольный пакет акций. Управляющий, контрольный пакет может быть любой величины, но в начальной позиции, для гарантии, надо иметь в собственности больше 50 процентов акций. Мы стали их покупать, акции нашего предприятия, у нас для этого было достаточно денежных средств своих личных и средств кооператива, который стал товариществом, как раз для целей покупки акций. Вот оно, для чего было сделано преобразование кооператива в товарищество. Для регулирования всего этого процесса по закупке

акций и для ведения последующего процесса, для вступления в управление предприятием, Борисом Семёновичем был привлечён один его знакомый, из окружения президента, его экономический Советник, а познакомил Кочермана с ним, с советником, наш бывший «партком», теперь депутат «МосГорДумы», Архипыч.

Всё шло как надо, мы, выкупили акций Управления, в четвером, Борис Семёнович, Я, Таня и наше «товарищество» достаточное количество, чтобы создать контрольный пакет акций для принятия или не принятия решений собрания акционеров нашего «ОАО». На первом, установочном собрании, мы все трое вошли в «Совет Директоров», а «Совет Директоров» назначил меня, директором вновь образованного предприятия, с приставкой «ОАО». Я назначил на должность заместителя директора «ОАО», Кочермана Бориса Семёновича, а на должность главного бухгалтера, Татьяну Юрьевну Трёхсвятскую. Все работники управления, были переведены на новое предприятие, как и предусматривало новое законодательство. Всё получилось, как замыслил Борис Семёнович. Вновь принятым работникам, а точнее переведённым, оставалось только владеть акциями, голосовать ими на собраниях «за» или «против» по решениям собрания, и ждать дивидендов на акции. Многим из работников предстояло ещё и расплатиться за свои акции, купленные с рассрочкой платежа по времени. А дивидендов на наши акции мы так и не дождались, собрание акционеров нашего «ОАО», по итогам года, регулярно принимало решение, прибыль использовать на развитие производства, а не на выплату дивидендов, такое тяжелое финансовое состояние было у нашего акционерного общества. Постепенно, наши работники стали продавать свои акции и уходить с предприятия, по собственному желанию, по причине падения заработной платы и несвоевременности её выплаты. Обеспечить их достойной зарплатой возможности не было, а в 98 году, в августе, вообще, неожиданно для всех, грянул дефолт, рубль обвалили по отношению к западным валютам в четыре раза. Это был крупнейший подарок всем держателям валюты, и нам, членам нашего товарищества, имевшего контракты в валюте на монтажные, наладочные и пусковые работы на объектах пищевой промышленности, которые начали строить в России, совместные предприятия, с иностранным капиталом.

Заключать контракты с такими компаниями нам помогал тот же экономический советник из окружения президента. У него тоже имелось своё товарищество, с которым наше товарищество заключало договора на сопровождение по сервисным услугам, при работе с иностранными компаниями. Семён, так звали советника, имел законную долю в общем бизнесе, иначе было нельзя. С Семёном я подружился. Были мы с ним одноклассники, и работал он, оказывается, рядом с нашим офисом, в Школе Экономики. Преподавал студентам международное финансовое право и ещё чего-то по экономике. Встретился я с ним в столовой студенческой, во время обеда, узнали друг друга, стали общаться. Долго мы осваивали специфику взаимоотношений с иностранными менеджерами. Несмотря на национальную принадлежность компании и её менеджеров, общались все между собой на английском, американском или через переводчика. На стройке пришлось соблюдать, не принятую у нас чистоту и аккуратность, изменилась система учёта объёма выполненных работ. Работникам нашим, мне пришлось, выдавать спецодежду улучшенного качества, чтобы они не выглядели оборванцами в российских спецовках и ватниках, в кирзовых ботинках и сапогах. Также донимала ежедневная отчётность о выполненном за рабочий день объёме работ, причём выполненный объём вычислялся не в денежных единицах, как мы привыкли в России, а в длине выполненных сварочных швов, в миллиметрах. Тут обмануть при расчётах и сорвать сроки сдачи объекта было практически невозможно. Объекты строили не только в Москве и ближнем Подмоскowie, но и по всей европейской части России, в Рязани, Нижнем Новгороде, Курске, Брянске, Калининграде, Казани и конечно в Самаре.

Для общения и переговоров с заказчиками, задумал я построить гостевой дом, в пригороде Москвы, да и случай подвернулся вовремя. В одном из подмосковных районов, в северо-

западном направлении, в одном из посёлков произошла авария в системе теплоснабжения. Министерство Чрезвычайных Ситуаций привлекло нас, наше ОАО, к аварийным работам по ликвидации аварии, как специализированную организацию. Подружился я с главой района, за время аварийных штабов, помог и ему в его личной усадьбе, привести в надлежащий порядок котельную и систему отопления, классные спецы в этом деле у меня были. В знак признательности, глава района оформил на меня приличный земельный участок в престижном месте, недалеко от правительственных дач сталинских времён. Решил я строить по стандартам не европейским, а нашей новой буржуазии. Представление о том, что надо, я уже имел, а доступ к высококачественным строительным и отделочным материалам из Европы, у меня был. Осталось только привлечь архитектора, я его нашёл. По сходной цене, он сделал мне проект, со всеми вспомогательными хозяйственными постройками и инженерным обеспечением. Инженерное обеспечение, в моём доме для гостей, делали мои специалисты, которые знали, что нас нанял какой-то нувориш, разбогатевший «партократ». Так нужно было, чтобы не болтали. Я держал свой имидж, «простой, свой в доску, рубаха парень». Так учил меня Борис Семёнович Кочерман, «не выпендривайся, живи скромно».

Преставился Борис Семёнович, в рабочее время, прямо в кабинете. Прибежала ко мне в кабинет секретарша Надя, вся белая, трясётся со страху, «говорит мне, Руслан», меня все так звали, «мне страшно, в кабинете у Борис Семёновича, что-то случилось, всё ходил по нему, кашлял, ругался чего-то, потом чего-то грохнуло и стало тихо. Я боюсь туда идти, в кабинет, пойдём в месте». Вошли в кабинет, «папа» лежал, согнувшись на ковре. Я сразу схватился за его кисть, пульс мерцал, он был живой. Вызывай скорее скорую помощь и добеги до поликлиники нашей, велел я Наде. Надя вызвала скорую и убежала в поликлинику, я побоялся делать искусственное дыхание. Пока приехала скорая и пришёл дежурный врач из поликлиники, а приехали и пришли все быстро, в течении 10—15 минут, которые показались мне вечностью, за это время, пульс у «папы» пропал, сердце остановилось. Скорая приехала и засвидетельствовала смерть, врач скорой вызвал милицию. Пришли милицейские быстро, отделение было рядом, составили протоколы, сняли со всех конторских показания. «Папу» положили на носилки и увезли в морг, на вскрытие и исследование. Всё что было у «папы» в карманах изъяли в качестве вещдоков милицейские. Я всех работников, что были в офисе, отправил домой, объявив им всем выходной на следующий день. Дождались, мы с Таней, прихода Аллы, когда пришла Алла, и узнала, что произошло, упала в обморок, привели мы её с Таней в чувство нашатырём из аптечки, я, отослал её домой, и сказал ей, что даю ей отпуск на месяц, для устройства дел. Забрали у неё ключи от «папиной» квартиры. Заперли мы офис, поставили его на охранную сигнализацию, и пошли с Таней на квартиру Бориса Семёновича, на Пятницкую.

Пошли пешком, было это рядом, шли молча, не разговаривали, каждый думал свою думу, Таня плакала, мне тоже этого хотелось, но я держался. Вошли в квартиру Бориса Семёновича, всё обследовали, его запасы коньяка и сигарет не трогали, изъяли все деловые бумаги, связанные с бизнесом, печати товариществ, личные документы, ордена его и медали, оказалось их прилично, шкатулку с наличностью и сберегательными книжками. Наличность он держал исключительно в долларах. Он мне объяснял это тем, что доллар он «вечно зелёный», потому что всю свою жизнь, с первого дня своего появления, сохраняет свой цвет, форму и рисунки. Добавляются только номиналы и портреты президентов. При уходе из квартиры, мы перекрыли газ на кухне, водопроводный кран в туалете, закрыли на защёлки окна и форточки. Выходя, заперли дверь и опечатал я её печатью нашего предприятия. На выходе сказали вахтеру в подъезде, что так мол и так, никого к квартире не подпускать, за сохранностью печати следить, если что, направлять ко мне в управление, если будут попытки проникновения в квартиру, сообщать мне. Сигнализацию на своей квартире, Борис Семёнович, устанавливать отказывался принципиально, говорил, «что это способ слежения за жильцом». Дал я вахтеру денег за хло-

поты, из наличности папиной, взятой из папиной квартиры и поехали мы с Таней к себе домой на Таллиннскую, думать, как нам дальше жить.

Был для нас это сильнейший удар по психике и делам. За папой мы жили, как «за каменной стеной» и вот, стена рухнула, и мы один на один «с реальностью». На следующий день в офис пришла криминалистическая бригада и исследовала кабинет подробно. Посмотрели папины документы, наследников кроме Тани и её сына Евгения, не просматривалось. Евгений вырос в стройного, изящного шатена, с курчавящимися короткими волосами, смугловатый, среднего роста, очень подвижный и бойкий на язык, пошёл в бабушку, Танину мать и сестру Бориса Семёновича. Евгений уже учился на втором курсе истфака МГУ и активно участвовал в молодёжной секции какой-то партии, организовывал протестные акции и клеймил «партократов», это был новый продукт современной эпохи. Мы решили предложить Евгению, в качестве доли наследства, квартиру деда на Пятницкой, а квартиру в Щёлково, в которой он жил пока один, никакой подруги он себе не завёл, продать, а деньги положить ему на книжку, валютную. На это предложение Евгений согласился. У парня намечалась блестящая политическая карьера, и квартира, недалеко от Кремля, поднимет его статус среди «однопартийцев». «Папины» вклады решили перевести на Таню, после вступления в наследство, а паи в товариществе и акции в ОАО, перевести на меня. После вступление Тани в наследство, по решению суда, и истечении положенного срока ожидания, всё было сделано, так как мы с Таней решили. Состояние каждого из нас выросло в разы.

Теперь я мог развернуть строительство гостевого дома, без строго надзора «папы», царство ему небесное и вечный покой. Похоронили мы его с отпеванием и ночёвкой усопшего в храме святых великомучеников «Флора и Лавра» на «Зацепе», и положили его на Ваганьковском кладбище, рядом с захоронением его супруги. Пришлось подключать депутата Архипыча, чтобы получить разрешение на захоронение, на Ваганьковском, и деньгами пришлось «подмазать». Борис Семёнович, на отпевании, лежал в гробу умиротворённый. Прощаться пришло около трёхсот работников, со всех наших филиалов привезли похоронные венки и кучи цветов. Алла тоже присутствовала, была вся в чёрном, когда закрыли крышку гроба, и приготовились опускать его в могилу, Алла упала на крышку гроба и рыдала. Никто ей не мешал, все крестились. Наплакавшись, Алла встала и ушла с похорон, толпа расступилась перед ней, пропуская её. Когда закопали гроб, все венки, корзины с цветами и лентами не смогли разместить на могиле, так было их много. Я разрешил «похоронщикам» забрать всё, что не уместилось в ограде, себе, в качестве доплаты за их работу. Поминки собрали в Щёлково, на базе, его любимом детище, накрыли столы в актовом зале, для этого наняли работников ближайшей столовой. Аллы на поминках не было. Поминальный обед был строгий, щи, каша гречневая с мясом, компот, блины с мёдом и по 100 граммов водки, хлеб чёрный. Перед началом поминального обеда, все встали, и батюшка прочитал молитву «Отче наш...». После окончания молитвы, некоторые осеняли себя крестом, все сели за столы, и официанты стали быстро разносить блюда и убирать опустошённые тарелки и посуду. Всем курящим раздали сигареты Бориса Семёновича, портсигар я оставил себе, потом держал в нём банковские карточки, было удобно подальше его прятать в автомобиле и в одежде.

Главный мой контролёр, ругатель и учитель, Борис Семёнович ушёл из жизни. Я стал строить гостевой дом в элитном месте Подмосковья, недалеко от Рижского шоссе, по которому я возил туда потом моих иностранных заказчиков. Проект был сделан под «баронский замок», с элементами Венецианского стиля, четыре угловые башни и гребни между ними, в форме зубцов кремлёвской стены, только прямоугольные, в форме электрического сигнала. Материалы на отделку привозили от фирм из Дании, Швеции, Германии, Италии. Поставка шла от моих Заказчиков зарубежных, вместе с оборудованием для их объектов, основную массу привезли как упаковку для оборудования. На отделке, на постройке гостевого дома, работали мои рабочие. Им я говорил, что этот дом мы строим для одного партийного олигарха, который про-

талкивает для нас выгодные подряды. В связи с тем, что денег у нас мало, я платил им среднюю по предприятию зарплату обещая отправить их на работу по этим выгодным подрядам, на которых они потом хорошо подзаработают. Но как-то выгодных подрядов всё не получалось, мужики чего-то на меня обиделись, из-за этого, и всей бригадой потом уволились с предприятия. Особенно сожалел я об уходе их бригадира, Константина. Константин заканчивал профтехучилище при реставрационных мастерских в Ленинграде, и работал на реставрации старых особняков в Ленинграде, талант был у него от бога и от старых мастеров.

Было в этом доме всё. Четыре этажа, четвёртый этаж мансардный, под черепичной крышей. Сделан внутри под трюм парусного судна, с балками и рангоутами из морёного дуба. В качестве окон были корабельные иллюминаторы. В этом помещении я оборудовал бильярдную комнату, с двумя столами. Между этажами ходили два лифта, один пассажирский, другой из кухни и бара с выпивкой и закуской. В цокольном этаже разместились бани турецкая и финская с небольшой купальней, во дворе стояла русская бревенчатая баня, с выходом в двадцатиметровый плавательный бассейн с подогревом и накрытый раздвижными секциями, которые можно было сдвигать, и ты оказывался как бы на природе, среди сугробов снега, зимой. В банном комплексе, в цокольном этаже, была «фишка», нажав на кнопку, открывался люк в потолке и в помещение опускалась бочка-бар, заправленная всем необходимым, рюмками, бутылками, закусками и другим нужным припасом. На первом этаже располагался фитнес-центр, надлежаще оборудованный всякими снарядами. На втором и третьем этаже размещался гостинный холл, к которому примыкали изолированные гостевые номера со своими душевыми, туалетами и гардеробными. В холле тоже была своя «фишка», бар в форме пиратской каравеллы, плывущей по воде, снизу каравеллы был аквариум с рыбками и водной растительностью, подсвеченные лампочками. Человек шесть гостей можно было с комфортом принять и разместить одновременно. Была и хозяйственная пристройка, к первому этажу, в которой размещался обслуживающий персонал и охрана. На территории ограждённого участка, был разбит ландшафтный парк. Мой гостевой дом, когда я ввёл его в эксплуатацию пользовался популярностью у зарубежных заказчиков. Перед заключением контракта, я им, иностранным партнёрам, делал ознакомительную экскурсию в гостевой дом, с лёгким фуршетом, а когда контракт начинал действовать и шли первые перечисления денег, на расчётный счёт, я включал им всю программу по полной, а она была достаточно содержательной. Когда друзья и гости спрашивали, а сколько всё это стоит, цифра была в долларах многомиллионной, около пятидесяти, это только материалы и оборудование, исполнители были мои рабочие, их труд я оплачивал в рублях из фонда зарплаты ОАО. От вопросов я предпочитал отделяться фразами, очень много, не дороже денег и тому подобными.

Рассказ 7. Реальности капитализма. Банкротство, Побег, жизнь в Греции

Сию я, Руслан Шкурдяев, на борту «яхты», у греческого острова и занимаюсь ловлей рыбы, себе на пропитание. Понятие завтрак, обед и ужин, у меня из обихода ушли. Теперь я просто питаюсь, когда очень кушать хочется. Рыба служит мне, как необходимая белковая составляющая к бобам и оливкам, которые я собираю на «диких», то есть без «бизнеса» островах, как этот, на котором нет отелей и пляжи в галечные. На островах, в рыбацких посёлках, в местных лавочках я покупаю за гроши, в 20 центов, хлеб. Приходится добавлять к питанию и рыбу, чтобы совсем не отощать. Выпекать хлеб у меня пока нет возможности, приходится покупать, который подешевле, в рыбацких поселках, у домохозяек, почти у каждого дома в посёлке, которые стоят прямо у воды, своя лавочка, где можно много чего купить необходимого, и недорого. Я уже приобрёл постоянных поставщиков, вернее «поставщиц». Воды для кипятка, сколько хочешь, напротив, на острове, со скалы стекает пресноводный ручей в бухту. Тара для набора воды, тоже в наличии, пластиковые бутылки плавают по поверхности воды в бухте, бери, споласкивай и наливай. Чай на заварку, из рыбацкой лавочки. Кипячу я воду, и варю уху, на борту «яхты», на керосинке. Галюна на «яхте» нет, пользуюсь септическим ведром, без него нельзя, иначе водный полицейский патруль при проверке оштрафует, мало не покажется, 100 «евриков» выпишет. Так что «свобода» даже у «водяных бродяг», «волд трэвэл», относительная. Да и «яхтой», эту посудину называть, явно ей льстить. Арендную её у рыбака, у которого снимаю и угол, в котором проживаю, когда надоедает «плавание» или наступает непогода. Движок небольшой есть, но мощности хватает, чтобы добраться и спрятаться в бухте. А так топливо приходится экономить, очень дорогое, хожу под одним парусом при попутном ветре.

Пришлось мне «делать ноги» из России, бизнес «отжали», что по суду ушло, судебные приставы арестовали, но пришлось убежать от «братвы», «на счётчик поставили», а жить пока хочется. Уходил «автостопом» по трассам, на Батуми, чтобы нигде не «наследить», раствориться «в неизвестности». Перебрался через турецкую границу и добирался до Стамбула. Останавливал «дальняков», с турецкими номерами, маскировался я под фанатика «автостопщика». Загрузил на плечи рюкзак-корзину с палаткой и примусом, который теперь у меня на яхте, варит мне рыбу с бобами и кипятком для чая. По легенде для водителей, я отмороженный автостопщик, побывал во многих странах Европы и обеих Америк, сейчас добираться в Афины, Греция, чтобы зайти на гору Олимп. Но по дороге от Стамбула до Салоник, пройдя греческую границу, на трассе, не доезжая Салоник, я сошёл с трассы в районе «Кавалы» и здесь сменил свою легенду «автостопщика» на легенду «морского бродяги», «мирового путешественника». Я ушёл в рыбацкие деревни-посёлки, прибрежные и стал «бродягой-мореманом», осуществил свою давнюю мечту, жить на тёплом море.

Снял жильё и поселился у хозяина рыбака, в ближайшей рыбацкой деревушке, на морском берегу. Этот же рыбак, сдал мне в аренду один из своих баркасов, который я величаю «яхтой». Путешествие от места побега, города Москвы, до пункта назначения островов Тасос, прошло успешно, так как я имел паспорт Европейского Союза, оформил я его за две «штуки», тысячи евро, что в России составляло приличную сумму, и требовался хороший уровень доходов, а для греков, это сущие пустяки, половина месячного пособия по безработице в рыбацком посёлке. Хозяин, у которого я арендовал «яхту» и угол, получал пособие по безработице три тысячи пятьсот евро в месяц. Первое время приходилось тяжело, привыкал жить экономно, запас валютной налички был небольшой, были некоторые деньги на электронной карте одного из банков с зарубежными филиалами, но, чтобы снять немного денег, надо было

ездить в Салоники. Из Салоник я наладил связь с Таней, по интернету. Таня, моя супруга, не лично, не финансово от моего краха не пострадала. При нашем бракосочетании, фамилию она не меняла, она у неё была очень редкая, Трёхсвятская, финансы свои мы, по свадебному уговору вели отдельно. Мои финансовые дела и проекты, с её сбережениями, не соприкасались. Таня вела себя «домовито» со своими финансовыми сбережениями. Она их хранила в банке с государственным контрольным пакетом, получала фиксированный процент дохода, который был в разы меньше процента инфляции, реальная стоимость её сберегательной суммы потихоньку снижалась, но Таня к этому относилась спокойно, её сбережений должно было хватить на многие годы. Стали выплачивать дополнительные деньги со сберегательных книжек Сбербанка, по суммам на 92 год, там суммы у неё были приличные. Мои сберкнижки и доверенность на распоряжение моими вкладами у неё были. Таня имела возможность, мои доплаты за 92 год, перевести в евро и положить на мой аноним-счёт в городской банк. Я с этого счёта имел возможность в Салониках, через банкомат, снять немного денег на жительство, вернее на выживание. Так появился у меня постоянный источник для пополнения моего кошелька. Жить надо было тихо, незаметно, много лет, чтобы те, кому я был очень нужен, за эти годы смогли исчезнуть из жизни. А там посмотрю, может и назад вернусь. Перед законом я был чист, всё что смогли у меня арестовать, арестовали, продали, кредиторов удовлетворили, пропорционально их кредитных сумм. Те, которым я задолжал, не пропадут, сколько им надо «нашибают», если выживут в своей «шакальей» стае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.